

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

ПРУТСКИЙ ПОХОД

Исторический роман

(Журнальный вариант¹)

Книга I. ТРИУМФ

1

В начале осени 1709 года на Царицыном лугу стали возводить затейливый деревянный дворец. Москвичи гадали: какую новую потеху готовит царь? За двадцать лет правления Петра жители первопрестольной перевидали всякое: шутовские маскарады, когда знатные господа разъезжали на быках, козлах, свиньях, собаках, и наряжены они были в мешки из мочала, шляпы из лыка, кафтаны из рогожи с нашитыми кошачьими лапами, в сапоги из соломы и рукавицы из мышиных шкурок...

Особливо весёлые забавы приключались на святки, масленицу и вербное воскресенье. Потешный «патриарх» — окольничий Матвей Нарышкин — родственник матери государя — картинно восседал на двугорбом верблюде. Забубённую головушку его венчала жестяная митра, и на ней красовался нагой, непотребного вида Бахус верхом на пузатой винной бочке. С толстой шеи жесвятителя, вместо нагрудной иконы — панагии, свисали глиняные кружки с колокольцами, а в руках — огромное евангелие. К шумному восторгу и удовольствию гулящих горожан срамной патриарх распахивал настезь тяжёлый кожаный переплёт, за которым, вместо священных текстов, открывалась взорам ротозеев череда короткогорлых штофов из зелёного стекла, полных хмельного зелья. Нарышкин вынимал один из них, смаху откупоривал и ловко заливал содержимое в глиняный сосуд с колокольчиками. Заполнив кружку доверху, осенял себя крестным знамением и громогласно возглашал: «Изыди, дух лукавый, и обратись в питье елейное!» Под шутки и смешки праздной толпы добрая мера водки разом исчезала в его просторной пасти, под ласковый, вкрадчивый перезвон колокольчиков. Зеваки одобрительно и завистливо шумели...

Обычно эти безобразия совершались на поле между сёл Преображенское и Семёновское или на Пресне, в пушкарском дворе. Частенько вереница пьяных шутов и дураков во главе с «патриархом» таскалась по Китай-городу, бесцеремонно вторгаясь в дома и дворы знатных господ якобы для песнопений и славословий церковных, на самом же деле в лицо именитым хозяевам сыпалась площадная брань и грязные поношения. Бывало, скоморохи срывали с князей и бояр одежду, оставляя их в чём мать родила. Других вельмож обливали водой и помоями или садили голым задом на лёд.

Правда, все эти непотребства случались до первой поездки царя за кордон. Потом он заметно остепенился и развязал войну с турками. Удалась она не слишком блистательно — Пётр был довольно молод и неопытен. Вскоре он затеял долгое ратоборство со шведами. Начало его оказалось весьма удручающим — наших вдрызг расчихвостили под Нарвой. И шведский король — самовлюблённый юнец — посчитал, что разгромная победа над дикими ордами московитов у него в кармане. Однако просчитался. После кровопролитного Полтавского сражения Карлу пришлось бежать без оглядки и скрываться во владениях турок. А русский царь готовился праздновать пышный триумф.

Кроме потешного дворца, по всей Москве там и сям понагородили диковинные арки с высоченными шпилями и античными фигурами по углам, а простодушные обыватели посчитали их чем-то вроде проезжих ворот и ждали, что вот-вот им навесят двери. Но когда разнеслись слухи, будто в окрестностях Москвы и в ближайших городках — Коломне, Суздале, Серпухове, Угличе — появились тысячи пленных шведов, столичные обыватели не на шутку встревожились. «Видно, природных-то русских царь из городу сошлёт, а взамен — эту немчурку поселит! Он, вишь, сызмальства к этим еретикам был привержен! — судачили по углам москвичи. — И ворота эти для того и

¹ Журнальный вариант романа Владимира Василенко «Прутский поход», публикуемый в «Невском проспекте», кардинально отличается от журнального варианта того же романа в журнале «Дальний Восток» (NN3-4, 2016).

поставил. А двери потом навесит, чтобы им способней было!» Сам Пётр Алексеевич приехал в село Коломенское в начале декабря и остался там дожидаться Меншикова. Александру Данилычу предназначалась одна из почётных ролей в торжестве.

Столичные жители, впрочем, как и остальные россияне, были достаточно наслышаны о Полтавской виктории. Война со шведами тянулась уже девять лет, и большинство населения страны на собственной шкуре испытало все тяготы и невзгоды затяжной военной кампании. Зачем, по какой-то такой надобности царь непрестанно ратоборствует то с турками, то со шведами? Чего ему не сидится в своих пышных хоромах? Владычил бы себе тихохонько, как отец его — Алексей Михалыч. Земля российская широка и обильна, дай бог её всю обойти и объехать, а неумный и упрямый властитель всё норовит в моря устремиться. Мало ему, вишь, родимых просторов!..

Пожалуй, ни один простолюдин не сочувствовал государственным стараниям и трудам Петра, не видя в них прямых или косвенных выгод самому себе. А привычка царя брать в руки плотничий топор, саблю или кузнечный молот казалась всем прямым капризом и чудачеством, той самой «потехой», которой издавна забавлялись все бывлые властители. Отец и дед Петра развлекались соколиной и псовой охотой, а их отпрыск играет в войну. И когда ей только конец случится?!..

Царь всегда скрупулёзно продумывал массовые действия, особенно парадные и торжественные. С приездом Меншикова он обсуждал их почти каждодневно. В своём небольшом дворце в селе Коломенском Пётр располагался в маленьких комнатках, по соседству поместив свою любимую наложницу Екатерину. Она вновь была на сносях, и с ней находилась маленькая дочь Анна.

— Во главе пойдут трубачи и литаврщики, — отмеряя большими шагами тесное комнатное пространство (государь избегал больших помещений), он словно прикидывал всё на себя, — потом двинутся семёновцы.

— Всем полком? — уточнил Данилыч.

— Нет. Тот баталион, который отличился при Лесной.

Узкое, длинное лицо Меншикова осветилось озорной усмешкой. Ему вспомнился невероятный эпизод, случившийся вблизи глухой белорусской деревни. Тогда после нескольких часов яростной битвы обе стороны настолько утомились, что безо всякой договорённости, рухнув и распластавшись на земле, перестали вести ружейный огонь. Неприятель переводил дух вблизи своих обозов, наши — в боевых порядках, там, где навалилась на них истама. А после двух часов внезапной передышки сражение возобновилось с прежней силой, даже лютей, чем было. Исход боя решила кавалерия под началом Боура, с марша ринувшаяся в стремительную атаку. Шведы были разбиты наголову.

— Ты чего? — царь замер, заметив улыбку своего наперника.

— Я припомнил, мин херц, как мы со шведами посередь баталии отдых себе устроили. Они за своими телегами прохлаждались, а мы на болотных кочках сидели.

Пётр махнул рукой:

— На войне всякие курьёзы случаются! Недаром ведь говорят — воевать, что воровать... За семёновцами повезут боевые трофеи: шведские знамёна, пушки, штандарты. А следом пленные шведы потянутся. Ведь победа под Лесной — мать Полтавской!

Данилыч согласно кивнул. Он и сам участвовал в том сражении. Тогда, осенью 1708 года, они одолели одного из самых опытных военачальников Карла — генерала Левенгаупта, двигавшегося с большим обозом в помощь шведскому королю. Уступая и числом, и вооружением, русские сумели вчистую разбить врага, несмотря на болотную топь и скверную погоду. В конце сентября в Беларуси выдалась ненастная погода, а под финал сражения повалил густой снег и разыгралась свирепая вьюга. Тела убитых шведов сплошь завалило белым саваном. Сами же победители во главе с государем едва не околели от холода, но радость блестящей победы помогла всё преодолеть.

— А полтавскую часть парада будут открывать преображенцы. За ними пойдут все наши главные супротивники — офицеры и генералы...

2

Двадцать первого декабря, в день святителя Петра, митрополита московского, перестольная проснулась от шума, исходившего неведомо откуда. Казалось, что сам воздух рождает и разносит предчувствие чего-то небывалого и невиданного. В Китай-городе, Большом посаде, Скородоме, Стрелецкой слободе — во всех частях и закоулках столицы всякая живая душа ощущала тревожное ожидание и волнение.

Обыватели поднялись ещё затемно и, облачась в кафтаны, армяки, поддёрвки, душегреи, полушубки, зипуны, выбирались на заснеженные улицы. Со всех сторон трезвонили колокола, наполняя город бойким, залившимся, затейливым перезвоном. Кузнецы, сапожники, плотники, портные, столяры, иконники, золотари, пекари — все те,

кто составляли посадский люд и «несли тягло», то есть платили налоги, — спешили к центру. Многие прихватили с собой жён и детей. За годы своего правления государь приучил-таки народ к увеселениям, и горожане предвкушали очередную забаву.

Триумфальное шествие открыли трубачи и литаврщики. Утро выдалось холодным, и, прижимая к губам мундштуки труб, музыканты рисковали поранить рты, а барабанщики остерегались крепко бить в литавры — заколодевшая на морозе кожа могла с треском лопнуть. Но замороженная зрелищем толпа ничего не замечала.

Оглушительный рёв труб, дробный грохот барабанов, пёстрые шеренги семёновцев, одетых в зелёные с красными обшлагами мундиры и красные шерстяные чулки в память злосчастной Нарвской битвы, когда они отбивались от наседавших шведов, стоя по колена в крови, — будоражили взоры и слух москвичей. Всё это гипнотизировало людей. Многие не понимали, в чём смысл происходящего? Вызывали оторопь тесные, унылые ряды бредущих вослед за победителями синемундирных шведов. За колоннами пленников размеренно выступали рослые артиллерийские лошади, влекущие тяжёлые лафеты с трофейными орудиями и телеги с вражескими знамёнами и штандартами. Это была добыча, взятая в бою у Лесной.

Преображенцы открыли полтавскую часть парада. Зелёные мундиры пехотинцев дополняли короткие накидки из ярко-красного сукна, называемые епанчёр. Головы солдат покрывали чёрные шерстяные треуголки, обшитые по краю белой тесьмой, длинные волосы победителей были густо припудрены мукой. Медные, старательно начищенные пуговицы кафтанов нестерпимо горели.

Офицерские мундиры отличались от солдатских немногим — золотыми галунами, обшивавшими края, белым галстуком на шее, а на треугольных низких шляпах картинно колыхался пышный плюмаж из белых и красных перьев. Именно он и вызывал неподдельный восторг у детворы и женщин.

Обер- и штаб-офицеры гарцевали на кровных лошадях. Через правое плечо к поясу грудь облегал бело-сине-красный шарф (под цвет придуманного самим Петром национального флага) с серебряными и золотыми кистями, крепившийся к эфесу шпаги.

В рядах пленных, кроме природных шведов, шагали саксонцы, пруссаки, курляндцы, поляки, но для глазевшей на них толпы — все они «немцы». Впереди — высшие офицеры, за ними — вереницы отбитых орудий, поверженных знамён, шеренги солдат. Замыкали ряды пленных два главных трофея Полтавской виктории — премьер-министр Карла XII граф Пипер и носилки короля, вызвавшие недоумённый интерес.

— Эшто что за колымага? — вопрошал один из ротозеев.

— Должно, рундук швецкий! — предполагал другой.

— А чего в ём носят? — удивлялся третий.

— Видать, главный швецкий клад! — авторитетно заключал четвёртый.

В самом конце процессии ехал верхом царь Пётр в том же мундире, который был на нём в день Полтавской битвы. Голову государя покрывала чёрная фетровая треуголка, простреленная в бою. На груди висел железный офицерский знак, помятый вражеской пулей. Рядом с государем — верный Данилыч, второй главный герой баталии.

Колонны победителей и побеждённых медленно просачивались сквозь череду триумфальных ворот под вой труб и грохот барабанов. Изумлённые жители первопрестольной наконец-то уяснили, для чего понастроили эти диковинные сооружения. Они будто бы представляли собой города, взятые с боем русскими полками.

Торжество продолжилось на Царицыном лугу у деревянного дворца. Нижние чины, как победители, так и побеждённые, рассредоточились вокруг многочисленных палаток, где стояли накрытые столы, а штаб- и обер-офицеры вошли внутрь дворца. Туда же препроводили и чиновных шведов.

Премьер-министр граф Пипер оказался в обществе генералов Левенгаупта, Реншильда, Шлиппенбаха, Розена, Штакельберга. Появившись в большом приёмном зале, они увидели в противоположном конце его огромный балдахин, под которым стоял массивный трон с высокой спинкой. На нём картинно восседал грузный, страховидной наружности человек с преогромными усами, в шитом золотом кафтане и с золотой короной на голове.

— Кто это? — спросил у своих спутников Шлиппенбах. Рассудительный Левенгаупт коротко заметил:

— Судя по всему — владыка московитов.

— Насколько мне известно, — пожал плечами граф Пипер, — нас взял в плен сам царь Пётр, и это явно не он.

Посреди зала — столы, уставленные винами и закусками. Варёная и жареная телятина, баранина и свинина, испускающая дразнящие ароматы, тесно грудилась на серебряных подносах. Осетры, севрюги и стерляди, доставленные в особых садках с побережья Каспийского моря, искусно приготовленные, возлежали на овальных блюдах,

как живые, причудливо изогнув янтарные хребты. Тетерева, куропатки и рябчики покорно сидели в гнёздах из печёного хвороста. Увесистые окорока, толстые, густо-кориичневые кровяные колбасы громоздились тут и там вперемежку с пышными кулебяками, отливавшими гладкой, блестящей, маслянистой корочкой. Солёные и копчёные языки, щедро натёртые гвоздикой, мускатным орехом и душистым перцем, нахально дразнили взоры. Любители пикантных яств могли побаловать свой аппетит заморскими анчоусами и живыми устрицами. Их обожал сам государь. И рядом с этим сказочным изобилием яств высились бесчисленные штофы и кувшины с водкой и вином.

— Это настоящие пиры Лукулла! — пробормотал Левенгаупт.

К трону, на котором восседал шутовской «Владыка Московии» князь-кесарь Ромодановский, неспешно приблизился генерал-фельдмаршал Шереметев. Осанистый и тучный, он с усилием поклонился, внятно доложив:

— По милости Божьей и счастьем Вашего Кесарского Величества, я уничтожил шведскую армию.

Полководец протянул свёрнутый в трубочку рапорт, и лакей, сбегав со ступеней, с поклоном принял у него бумагу, вновь поднялся наверх и вручил рапорт потешному властелину. Следом за Шереметевым к трону прошагал генерал-поручик Меншиков, щеголеватый и стройный, в роскошном парике, пахнущий амброй. Почтительно наклонив голову, он громогласно произнёс:

— По милости Божьей и Вашего Кесарского Величества, я взял в плен при Переволочной генерала Левенгаупта с его армией.

Шведский военачальник услышал свою фамилию и насторожился. Его спутники тоже удвоили внимание. Меншиков церемонно вручил свой рапорт, и наступила очередь Петра. Государь большими шагами пересёк обширный зал, остановился перед парчовым навесом, под которым помещался золочёный трон с шутовским монархом, склонил в пояском поклоне свой исполинский стан. Круглое лицо его было нарочито серьёзно, выразительный рот сжат, кошачьи усы лукаво топорщились.

— Доложи нам слуга покорный, — сильным, пропитым голосом изрёк Ромодановский, — с чем ты явился пред наши светлые очи?

— Осмелюсь донести Вашему Кесарскому Величеству, что я, недостойный раб ваш, Петрушка Алексеев, доблестно сражался со своим полком при Полтаве. И победил океанных супостатов! — тут царь протянул скоморошьему властелину шуточный рапорт. Ромодановский чинно принял его.

Шведы смотрели во все глаза на диковинное представление и терялись в догадках: что бы это всё значило? Никому не приходило в голову, что неистощимый на выдумки русский государь затеял этот спектакль для собственного удовольствия. Хотя — почему для собственного? Ему хотелось также развеселить и своих соратников. А вероятно, и побеждённых. Но те воспринимали происходящее как некий азиатский, варварский обряд, ожидая с тревогой всего чего угодно. И тут к ним подскочил молодой толмач, один из помощников вице-канцлера Шафирова:

— Князь-кесарь Ромодановский, — залопотал он по-шведски, — требует вас пред свои ясные очи.

Победители раздвинули ряды, и пленные генералы оказались вблизи шутейного престола. Грузный, диковатого вида человек с корявым, тронутым оспой лицом вперился в них шальми, пронзительными глазами и скривил большой толстогубый рот.

— Победённые шведские воеводы, князь-кесарь, — провозгласил толмач, — бьют твоему светлому величеству челом и просят твоей милости! — и бросил пленникам по-шведски: — Поклонитесь князю, господа генералы!

Генералы принуждённо склонили головы. Вокруг раздались нестройные хлопки и возгласы одобрения. Сам Пётр довольно улыбался.

— Напоить их, супротивных, до потери памяти! — утробным басом распорядился скомороший владыка. — Дабы дорогу домой они навсегда забыли!

Это напутствие вызвало шумный, доброжелательный смех.

— Князь-кесарь любезно приглашает вас отобедать! — скороговоркой пояснил переводчик.

3

Завершив дела и торжества в Москве, государь засобирался в Петербург. Новорождённой дочери Елизавете было всего полтора месяца, но Пётр хотел взять всё семейство в северную столицу.

— Ваше Величество, ещё очень холодно! Ребёнок простудится! Нам лучше остаться здесь... — умоляла его Екатерина. Отец подумал и согласился — на дворе стоял февраль. Екатерина вместе с двумя дочерьми прибыла в Петербург в марте.

Она напутствие вызвало шумный, доброжелательный смех. Она и дети её, по нравам тогдашнего времени, считались попросту «выблюдками». Государь, привыкнув с юности нарушать

обычаи, не слишком задумывался над двусмысленным положением своих близких. В его ближайшем окружении даже Меншиков, слепо следовавший всем привычкам государя, и тот не столь давно обременил себя узами брака, после того как уступил царю свою бывшую любовницу Екатерину (которая прежде звалась Мартой).

Екатерина (то бишь Марта) была почти от рождения круглой сиротой и весьма причудливым образом повторила судьбу Золушки (Сандрильоны). В её жизни не было волшебницы-крёстной, хрустальной туфельки и пышного костюмированного бала, но так же как и её сказочный двойник, Марта от зари до зари гнула спину в доме пастора Глюка, взявшего сироту служанкой к себе в дом. Она стирала, шила, готовила. Отличалась бойким, приветливым нравом. Разразилась русско-шведская война, а семья пастора жила в Лифляндии, в городе Мариенбурге. Город взял штурмом петровский фельдмаршал Шереметев. Предание гласит, что накануне у прекрасной служанки случился роман с шведским драгуном, бойкая Марта чуть ли не стала его законной супругой, но сему, к несчастью, помешал штурм города. Драгун бежал, а его невеста стала наложницей Шереметева, который, кстати, был вдовцом. Сколько времени провела она в покоях фельдмаршала — история об этом умалчивает. И каким образом прекрасная полонянка очутилась в объятиях ближайшего царского наперсника Александра Даниловича Меншикова — тоже достоверно неизвестно. Достоверно известно, что она, переходя из рук в руки, стала в итоге императрицей Екатериной I.

Государь, его кабинет-секретарь Макаров и любимый денщик Кикин уселись в крытый возок, укрылись медвежьей полостью и отправились на север санным путем. А Меншиков в паре с Шереметевым отбыл к войскам, на зиму расквартированным в Польше и Малороссии. Их надобно было срочно перемещать в Прибалтику, в помощь генералу Репнину, с осени осаждавшему Ригу.

— Говорят, что в Риге более двадцати полков шведских и всё население под ружьём, — царь, по обыкновению, размышлял вслух. — И потому надлежит брать её немедленно, пока море ещё подо льдом, дабы помощь водой туда не подоспела. И всю Лифляндию и Эстляндию надобно с бою брать. Безо всякого промедления.

— Где же нам, Пётр Алексеич, столько силы взять?! — искренне поразился Макаров.

— Армия наша ныне состоит из тридцати трёх полков пехоты, двадцати четырёх полков кавалерии, окромя гвардии и морских сил. А ещё я мыслю собрать до шестидесяти тысяч гарнизона. Вот и соображай.

Вслед за царём двигались по зимнему тракту в Петербург полки. Вместе с полтавскими ветеранами шли казаки, калмыки и необстрелянные новобранцы из московских, курских, рязанских, орловских, тамбовских, нижегородских земель.

Согласно указам государя, из каждой крестьянской семьи, ежели там было два сына, брали в рекруты одного, из трёх сыновей — двух, из четырёх — тоже двух. Рекрутов приводили в присутственные места закованными в кандалы и содержали в острогах до тех пор, пока не решалось, в каком роде войск надлежит им служить. А родов этих было три: инфантерия (пехота), артиллерия и кавалерия. Кавалеристы должны были сражаться в конном и пешем строю и назывались драгунами.

Местность вокруг Санкт-Петербурга прозывалась Ингерманландией. Была она болотистой, и летом людей здесь немилосердно одолевали комары, зимой — пронизывающие ветры. Бедные чухонские и русские селения гнездились по берегам холодной реки, называемой Нева, что в переводе с финно-угорского языка означало — трясина, топь. Начав десять лет назад отвоёвывать эту землю, Пётр не предполагал, сколько трудов и жизней потребуется для того, чтобы удержать её и обиходить.

В начале весны 1710 года, с прибытием Петра, работа закипела вовсю. Царь поселился в деревянном доме неподалёку от главной крепости на Заячьем острове (по-фински — Янни-саари), который он переименовал в Люст-Эйланд (Весёлый остров). Здесь воздвигались высокие валы, куртины и бастионы весьма серьёзной цитадели, должной охранять будущую столицу.

По прибытии Пётр отправился осматривать стройку. Кроме секретаря и денщика, его сопровождали обер-комендант города Роман Брюс и обер-комиссар Ульян Синявин. Покинув свой деревянный домик с продолговатыми окошками и четырёхскатной, крытой дранкой крышей, Петр вышел на Троицкую площадь, перекрестился на Троице-Петровский собор. Груды булыжников, присыпанные снегом, громоздились повсюду.

— Этот камень, государь, доставлен мужиками, по вашему указу, — доложил комендант. — Земля оттаёт, начнём дороги мостить...

Царь кивнул. По его распоряжению, каждый, кто прибывал в Петербург, неважно, по какой надобности, обязан был привезти или принести с собой не менее пяти фунтов камней или мешок земли.

— Сколько мужиков нынче пригнали?

— Почти двадцать тысяч, государь, — ответил Синявин.

У крепостных ворот в сугробе лежал завернутый в рогожку тощий мужик с рыжей бородёнкой, уставленной в небо. Синие, костистые руки были сложены на груди, высокая свеча с неярким, бледно-жёлтым язычком пламени торчала в скрещенных ладонях. Пятеро мужиков с непокрытыми головами, чёрных и угрюмых, стояли подле усопшего и тяжело молчали. Увидев царя, склонились ниц.

— Вы чего, православные? — добродушно спросил комиссар.

— Да вот... преставился, — ответил один из мужиков. — На погребение, вашеско-родие, собираем. И на помин души.

Рядом с покойником лежал засаленный малахай, и в нём тускло блестели несколько медяков. Государь кивнул Кикину, тот бросил в шапку горсть мелких монет. Глядя на него, то же самое сделали и другие в свите царя. Малахай щедро наполнился пода-ниями. Мужики повеселели.

— Могилу копайте глубже, — распорядился комендант. — Не ленитесь, молодцы!

— Это мы зараз! Не сумлевайтесь, вашбродь! В лучшем виде погребём! — обра-довано поклялись землекопы и, сноровисто ухватив рогожу вместе с телом, бодрой рысцой отправились на погост. Пётр повернулся к Брюсу:

— Ты почто приказал глубоко копать? Земля даже на палец не отошла.

Вместо коменданта ответил комиссар:

— Иначе нельзя, Пётр Алексеич! Волки могилу мигом разроют. Тут их тьма — ме-сто-то гиблое.

— Народу много померло?

— Нынче больше тысячи.

Пётр направился в крепость. Там стоял шум и перебранка сотен работающих лю-дей. Вместо земляных валов и деревянных бастионов возводились каменные стены крепости.

4

Пленные шведские генералы, находясь под караулом в Москве, коротали зимние дни в еде, спанье и бесконечных разговорах.

— Двенадцать лет назад, подавляя восстание стрельцов, — как-то раз напомнил собеседникам в тему разговора премьер Пипер, — царь Пётр казнил не одну сотню бунтовщиков, он без малейшей жалости пытал и вешал, топором рубил головы, при-чём собственноручно. А где мы с вами сейчас находимся, господа? Не подскажите?

— В Москве, — ответил Шлиппенбах.

— А место, место это как называется, не знаете?

— Кажется, Китай-город, — неуверенно отозвался Реншильд. И премьер тут же подхватил:

— А теперь, господа, представьте: по рассказам нашего резидента Книперкрона, вокруг всего Китай-города, то есть здесь, — Пипер обвёл взглядом слушателей, — тор-чали на стенах отрубленные стрелецкие головы. Он это видел собственными глазами. А я слышал всё из его уст. Каково?!

— Бр-р-р, — Шлиппенбах передёрнул плечами. — Азиаты. Варвары.

На некоторое время воцарилось молчание. Каждый, видимо, думал о собственной судьбе, и мрачный рассказ премьера не предвещал ничего обнадеживающего. Тиши-ну нарушил Левенгаупт:

— А вы знаете, господа, что наш монарх, будучи подростком, заставлял пригонять к нему во дворец телят и баранов и отсекал им головы прямо в приёмном зале?

— Но позвольте, Адам! — возразил Пипер. — Рубить головы людям и животным — вовсе не одно и то же. Как прикажете вас понимать, генерал?

— Мы живём, господа, в довольно жестокое время. Трудно судить о том, кто более жесток и кто менее? Война, к сожалению, не красит никого, согласитесь.

— Я готов признать, господа, — поддержал Левенгаупта Реншильд, — что после битвы при Фрауштадте, когда мы взяли в плен больше пяти тысяч русских и саксон-цев...

— А вы тогда получили чин фельдмаршала и графский титул, — подсказал Шлип-пенбах.

— Да, — Реншильд гордо улыбнулся, — но дело не в этом, — он посерьёзней. — По-сле боя мои пехотинцы, кавалеристы и драгуны собрали в кучу полтысячи русских и устроили целое побоище: стреляли, рубили палашами, кололи штыками, трупы вали-лись на трупы, как овцы на бойне, кровь текла ручьями... Я это вспомнил к тому, госпо-да, что мы часто бывали не очень любезны с противником, не так ли? И я это признаю.

Шлиппенбах, довольно равнодушно следивший за беседой, предложил:

— Давайте лучше прикинем, господа, что нас ждёт в самое ближайшее время?..

В это время шведский король лежал на постели, по обыкновению, в одежде: в ко-

жанных засаленных штанах, жилете и давно не стиранной сорочке с почерневшими обшлагами. Короткие, наспех остриженные волосы, с глубокими залысинами у висков, открывали высокий, покатый лоб. Внушительный, слегка искривлённый нос, небольшие, пыгливо сощуренные глаза, маленький рот с чётко очерченными губами и ямочкой на подбородке мирно соседствовали на узком, продолговатом лице. Казалось, что его обладатель постоянно носит в себе какую-то важную, сокровенную тайну, которую нельзя доверить никому...

Десять лет назад, глубокой осенью 1700 года, Карл, восемнадцатилетний юнец, по бездорожью через топи и болота привёл восьмитысячный отряд под стены Нарвы, осажденной Петром. Осада длилась почти два месяца, хотя гарнизон крепости состоял всего-то из полутора тысяч пехотинцев и конников.

Узнав о приближении Карла, Пётр передал командование недавно принятому на службу иноземному фельдмаршалу Де Круи и спешно ретировался. Невзирая на численное превосходство противника, Карл атаковал с ходу и первым бросился в бой. (Он был неисправимым фаталистом, убеждённым в том, что человеческая жизнь заранее расписана на небесах). Шведы, будучи мастерами штыкового боя и отчаянными рубаками, расправлялись с ошеломлённым противником, как умелый повар с курами, — только головы летели, а уцелевшие спасались бегством. Всё было кончено за час.

Юного короля-героя тогда прославляла и обожала вся Европа. Поэты называли его Ахиллом, Роландом, Александром, Цезарем. Он выказывал лучшие черты короля-воина — отвагу, доблесть, честь. А его малодушный противник, казалось, навеки опозорил себя... И вот все переменялось в результате Полтавской баталии.

После спасения бегством с поля боя Карл XII уже полгода жил во владениях турецкого султана, в скверном городишке Бендеры, которым управлял пограничный военачальник Юсуф-паша. Король никак не мог добраться в столицу Оттоманской Порты. Поначалу его приняли с распростёртыми объятиями, но дальнейшее его пребывание в османских владениях разительно напоминало арест.

В дверь заглянул адъютант Гилленкрок, вернувшийся из Константинополя:

— Вы позволите, Ваше Величество?

— Входите, Аксель, — король резко сел на кровати. — Ну, что, долго мне ещё тут торчать? Что им нужно? Денег?

— Денег они, Ваше Величество, не требуют...

— Им нужна моя голова?!

— Султан готов отпустить нас домой...

— Домой?! — адъютант молча кивнул. — Но каким образом? — король сверлил его глазами. — Они отпустят нас по морю? Или по суше?..

— До польской границы, Ваше Величество, нас будут сопровождать пятьсот янычар... — Гилленкрок зашнуровался и умолк. Карл подскочил к нему почти вплотную:

— А дальше?... Дальше!.. Ну же!.. — адъютант не поднимал головы. Король был готов наброситься на него с кулаками, но через минуту обмяк и проворчал сердито: — Значит, Пётр заплатил османам большие деньги. Азиаты всегда сумеют между собой договориться...

— Царь должен предоставить отряд, который сопроводит нас до границ Швеции...

Тут Карл рассмеялся:

— И мы должны этому верить?! Но это похоже на идиотизм! — Гилленкрок тоже через силу улыбнулся. Когда в Стамбуле ему сообщили эту весть, он крайне усомнился в том, что русский царь не воспользуется возможностью уничтожить заклятого врага, с которым воюет десятый год. — Турки, владеющие всем Чёрным морем и выходом в Атлантику, не могут предоставить мне корабль?! Бред какой-то!..

5

Подходил к концу седьмой год пребывания в Стамбуле русского посла Петра Андреевича Толстого. Свою службу российскому престолу он начал при покойном государе Алексее Михайловиче. Был принят стольником ко двору второй жены царя — Натальи Нарышкиной. Высокая, кареглазая, темноволосая, подвижная — юная супруга стареющего монарха вызывала бешеную злобу родственников его первой жены — Милославских. Толстой почувствовал это с первых дней своего пребывания при дворе. Но пока был жив царь Алексей, прозванный Тишайшим, злоба не вырывалась наружу, таясь по углам царёвых палат. Как на грех, потомство от покойной Марии Милославской было весьма многочисленным, особенно женское, сыновья же, к несчастью, умирали во младенчестве. Выжили только Фёдор да Иван.

По смерти Алексея Тишайшего молодая вдова осталась с двумя детьми — старшим сынишкой Петром и дочуркой Натальей. Ещё до смерти царя Толстой чётко понял, что положение Милославских куда прочнее, чем у Нарышкиных. Милославские слов-

но невидимой сетью оплели и боярскую думу, и стрелецких начальников. И стоило Тишайшему навсегда смежить веки, Пётр Андреевич перешёл в услужение к шестнадцатилетнему Фёдору, занявшему отцовский престол и царствовавшему шесть лет. Милославские праздновали победу, и Толстой вместе с ними. Вспоминая это, он не корил себя за предательство. По сути говоря — измены там не было. Нарышкины хотели остаться у власти, а их оттуда грубо убрали, в согласии с существующими традициями и нравами. Будь они хозяевами положения, Нарышкины поступили бы таким же образом. Молодому стольнику ничего другого не оставалось, как перейти в стан к победителям, Милославским, коим он служил бы хоть до окончания своего века, однако после скоропостижной смерти царя Федора Алексеевича патриарх и часть знати решили посадить на престол десятилетнего Петра. Иметь царём последнего сына Тишайшего и Марии Милославской — слабоумного, подслеповатого и припадочного Ивана — казалось многим делом зряшным. Милославские, защищаясь, решились на крайний шаг — взбунтовать стрельцов. Толстому приказали сочинять подмётные письма и разбрасывать их в стрелецкой слободе. Разразился 1-й стрелецкий бунт...

Цена умения и достоинства Толстого, Пётр простил ему былые шалости и прегрешения и отправил его послом к туркам в самый разгар противоборства со шведами. Бывшего смутьяна отличали редкая наблюдательность и отменная бойкость пера. Эти личные качества, вкупе с густотой бровей и графским титулом, полученным в конце жизни, по-видимому, унаследовал его далёкий потомок, ставший корифеем отечественной литературы.

В начале нового 1710 года русского посла пригласили в султанский дворец. Чюрбачей (начальник охраны) был крайне вежлив, обходителен и подобострастен. В зале приёмов посла встретили сам султан, великий визирь и рейс-эфенди (министр иностранных дел).

— Как поживает твой владыка царь Пётр? — любезно осведомился султан Ахмед.

— Ходят слухи, что он непрестанно празднует свою Полтавскую победу?

— Мой государь нынче отметил встречу нового 1710 года и только.

Великий визирь Чорлулу Али-паша улыбнулся:

— Все неверные торопятся жить. А на дворе всего лишь 1132 год!.. (По мусульманскому летоисчислению).

Посол улыбнулся в ответ:

— На Руси тоже не очень жалуют торопливых. У нас говорят: поспешишь — людей насмешишь. О великий султан! Твоей славной милости нас трудно упрекнуть в нетерпении. Мой государь терпеливо и по-доброму просил Оттоманскую Порту выдать России изменника Мазепу. Мазепа скончался, а вот наш заклятый враг — шведский король — счастливо укрывается в пределах турецкой державы...

Рейс-эфенди сложил молитвенно ладони:

— Коран гласит: если кто-нибудь из неверных попросил у тебя убежище, то дай ему убежище, дабы он услышал слово Всевышнего.

Толстой согласно кивнул:

— Вы, правоверные, часто бываете справедливы и милосердны, так будьте же верны своему закону до конца — не мешайте доброе дело с худым!..

Османы помолчали, и великий визирь произнёс:

— Грех — мешать доброе дело с худым, но Аллах милосерден, — он поднял глаза к небу и присовокупил: — Да будет тебе известно, почтенный, что великий султан — солнце и крепость Востока — намерен выдворить шведского короля из своих вечных владений. Да будет так!

Толстой недоверчиво воззрился на Ахмеда. Султан сидел величаво и неподвижно, подобно истукану, и по его царственному спокойствию, почти безразличию, сметливый посол мог заключить, что словам турок, пожалуй, можно верить. Но это только в текущий момент. В ближайшем будущем все переменится. Разразится война между Турцией и Россией. Русский посол будет брошен в зиндан. Опять Толстой окажется на волосок от гибели, но вновь судьба преподнесёт ему подарок, Пётр Андреевич выйдет-таки на свободу, вернётся в Россию, продолжит царскую службу и достигнет весьма высоких чинов. Осудит на смерть незадачливого сына царя — Алексея. Переживёт и самого государя. Возведёт на престол бывшую наложницу Петра Екатерину, получит титул графа, затем сойдётся в беспощадной схватке с Меншиковым и закончит свою пёструю, бурную, переменчивую жизнь в далёкой тюрьме на Соловках. Восьмидесяти четырёх лет от роду. Его гениальному потомку будет отпущено на два года меньше.

Ледяной панцирь реки вначале вкрадчиво, предательски треснул, и звук стремительно унёсся вдаль. Потом отвердела поверхность воды громоздко и угрожающе

зашевелилась, появились рваные трещины и промоины, сквозь которые хлынули на свободу тёмные, неудержимые потоки. Зашумели и забурили. А через несколько минут огромные ледяные поля с грохотом оторвались друг от друга и, неуклюже разворачиваясь, устремились к устью, подхватенные мощным течением. Вода прибывала на глазах. На реке и по берегам её стоял раскатистый гул — льдины сшибались, напоздали одна на другую, раскалывались и крошились. Нева выходила из берегов. Стрелка Васильевского острова, надвое рассекавшая речное русло, отчаянно противостояла неукротимому напору стихии — ледяные громады грозили всё снести и разрушить.

Кикин, любимый денщик царя (через несколько лет он закончит жизнь на дыбе), стоял под стенами Петропавловской крепости и во все глаза смотрел на ледоход. Буйство северной реки, ещё недавно закованной в тяжёлую броню, а теперь взломавшую её, зачаровывало.

— Ух, как она прёт, сатана! Силища какая в ей несметная! — услышал он над головой чей-то изумлённый возглас.

Денщик оглянулся: на бруствере крепости выстроилась разномастная цепь землякопов. Побросав работу, мужики взобрались на земляной вал и созерцали неистовство полой, обезумевшей воды. Грязные, полуодетые, в расхристанных зипунах и рубахах, в драных портах — они походили на отверженных каторжников, которым никогда не доведётся увидеть родимых мест и лучшей доли. Но на их лицах не виделось уныния, а только лишь детское любопытство. Большинство были родом из центра России, с берегов тихих, ласковых рек — Клязьмы, Угры, Оки, Красивой Мечи, где по весне спокойно и податливо сходит лёд. А происходящее на их глазах на Неве казалось им светопреставлением.

Кикин повернулся и почти бегом кинулся вверх по склону. Сапоги смачно чавкали в вязкой глине, замедляя шаг. Пересёк Троицкую площадь и достиг домика государя, рывком распахнул тяжёлую, низкую дверь:

— Пётр Алексеич! Нева пошла!..

Царь и кабинет-секретарь Макаров трудились над «Морским уставом». Пётр был одет по-домашнему, то есть ещё более неряшливо, чем обычно: в просторную, донельзя заношенную блузу, короткие штаны, заштопанные чулки и стоптанные башмаки с оторванными пряжками. Лысеющую голову покрывал вязанный ночной колпак. На возглас денщика царь спросил:

— Лёд шибко идёт?

— Прёт, как угорелый!

— Прёт, говоришь? Как бы Адмиралтейство не завалило, хлопот тогда не оберёшь-ся! Возьми трубу, пойди глянь.

Кикин снял висевшую у притолоки государеву подзорную трубку и вышел.

На улице царило оживление. Давно ожидаемый ледоход, знаменовавший исход долгой, всем опостылевшей зимы, взбодрил людей. Денщик поспешил на берег. Нева шумела и бесновалась. Кикин выбрал место повыше и посуше, поднёс к глазу царский инструмент. На противоположном берегу бегали и суетились люди. Денщик отыскал глазами медную иглу шпиля Адмиралтейства и перевёл взгляд вниз, на прямоугольник громадного двора, в двадцати сажнях от воды. С трёх сторон его тесно окружали бесчисленные склады, заполненные всяческими корабельными припасами: якорями, пушками, ядрами, ружьями, топорами, лопатами, фонарями, гвоздями, петардами, штывками... А в центре на дубовых стапелях стоял с десяток почти готовых кораблей, только без мачт, оснастки и вооружения. И с обеих сторон их подпирали толстые, массивные брусья, кругом валялись в беспорядке обрезки досок, обрывки каната, и всюду мелькали люди. У многих в руках были длинные шесты. Кикин понял, что это багры.

И ещё он разглядел могучую фигуру Федосия Склаева — главного царского кораблестроителя. Тот сердитыми жестами показывал на бунтующую реку, будто стараясь её унять. А десятки его подручных, ошестинившись острыми баграми, отчаянно бросались навстречу ледяному шквалу, грозившему смять, обесценить, уничтожить все плоды их многомесячных, каторжных трудов. «Если они не совладают или промедлят, — лихорадочно подумал Кикин, — флоту придёт конец!» Среди стоявших на стапелях судов был 54-пушечный корабль «Полтава», построенный по чертежам самого Петра в честь славной победы.

Льдины, словно наперегонки, коварно устремлялись на пологий берег, но люди, каким-то чудом угадывая направление их движения, брали врагов «на абордаж» и умело, общими усилиями, героически устраняли беду. Лёд относил в Финский залив. Денщику даже казалось, что они всё делают играючи, но он-то знал, что это не так...

Когда Нева очистилась ото льда, государь тут же распорядился выводить в море весь корабельный и галерный флот. Вице-адмирал Крюйс, пожилой, обрусевший норвежец, было запротестовал:

— Пётр Алексеевич! В заливах сплошное столпотворение! Как бы нас напрочь не

затёрло. Надо бы дождаться, пока лёд отнесёт подальше.

— Медлить, Корнелий, боле нельзя. Апраксин вот-вот от голоду сгинет. Будем про-рубаться. Бог помощи даст!

По большой воде в устье Невы все корабли вышли легко и свободно. Впереди шли галеры, вёсельные, мелкосидящие суда с несколькими десятками гребцов. Паруса на мачтах были старательно присобраны, галеры двигались на вёслах. Корабли, на одном из которых был контр-адмирал (шаутбенахт) Пётр Михайлов (так в судовом журнале именовался сам государь), шли под парусами. Ветер, слава богу, устойчиво дул в сторону Финского залива, и эскадра бодро и дружно устремилась навстречу коварной морской стихии. Контр-адмирал стоял на капитанском мостике рядом со своим лучшим капитаном Наумом Сенявиным и весело шутил:

— Как думаешь, Наум, прошмыгнём мы под самым носом у шведов аль нет? Не разнесут супостаты нашу флотилию в прах?!

Опытный мореход Сенявин, как и старый адмирал Крюйс, не одобрявший скоропалительную затею царя, но подчинившийся приказу, хмуро ответил:

— Всё может быть, государь, — он перекрестился. — На Бога надобно уповать и молиться Николаю-угоднику.

— Ты, верно, думаешь, что я о ваших телах и душах не шибко пекусь? Ты за свой фрегат и команду в ответе, а на моих раменах вся Россия-магушка! Ежели мы пушки и провиант Апраксину в Выборг не доставим — солдаты наши с голоду перемерут. Смекаешь? — царь положил на плечо капитана тяжёлую, мозолистую руку, тесно знакомую с веслом и кузнечным молотом.

Но Сенявин и не думал возражать государю. Его больше заботило состояние воды и воздуха там, куда они так отчаянно плыли.

До острова Котлин, на котором была возведена Кронштадтская цитадель, охранявшая вход в Неву, флот прошёл легко. За бортами встречались льдины и довольно обширные, но гребцы на галерах умело обходили их, а кораблям они не создавали ощутимых помех. Солдаты и моряки Кронштадтского гарнизона высыпали на берег с приветственными криками и жестами. На корабле контр-адмирала подняли вымпел: «Идти прежним курсом». Эскадра обогнула укреплённый остров и вошла в Сестрорецкий залив. Войти-то вошла, а двигаться дальше стало затруднительно — залив оказался забит льдом.

«Суши вёсла!» — раздалась команда на галерах. Гребцы подняли на борт свои непомерно длинные, увесистые орудия. Каждый с неохотой и страхом ждал, что вот-вот раздастся приказ, не сулящий никому ни малейшей поправки. Галера, одной из первых уткнувшись носом в ледовое препятствие, выжидательно замерла.

— Эй, там, на куршее! — раздался зычный голос шкипера. — Чего застыли?! Живо за борт! Топоры в руки!

По самой середке судна проходил высокий, узкий помост, называемый куршеей, на котором находились матросы, управлявшие парусами. Услышав приказ, они ухватили топоры с длинными рукоятями, обвязались по поясу пеньковым канатом и по верёвочной лестнице спустились прямо на лёд. С десятков крепких гребцов проворно кинулись на нос судна, чтобы страховать смельчаков. Послышались частые, садкие удары.

Шкипер, пожилой потомственный моряк из архангельских поморов, не раз бывавший в подобных переделках, неспешно приблизился к краю борта, глянул опытным глазом на отчаянно машущих топорами матросов и хрипло гаркнул:

— Чередой станьте! Один в затылок другому! Работнички, мать вашу так! — и перевёл взгляд на гребцов, держащих в руках канаты: — Концы крепче держите, сарынь!

Пятёрка матросов, беспорядочно и спешно крушивших лёд, услышав чёткую команду, дружно выстроилась гуськом, и дело пошло веселей. Осколки и крошево льда густо летели во все стороны. Огромная льдина, преградившая путь галере, угрожающе заколыхалась, треснула — матросы бросились врассыпную. С палубы послышались окрики:

— Не бойсь! Не бойсь! Топоры, бродяги, держи крепче!

Льдина раскололась надвое под ногами одного матроса, он в страхе выпустил из рук топор, окунулся по самое горло в тёмную, обжигающую воду, успев обречённо простонать:

— Братцы, тону, спасите!..

На судне весело рассмеялись и быстро втащили «утопленника» на палубу. С него ручьями стекала вода, часто стучали зубы, глаза страдальца были крепко прижмурены. На смену ему тут же отправился другой матрос, а шкипер сурово проворчал:

— Топор утопил, сукин сын! Теперь тебя на вёсла посажу, растяпу...

Флотилия медленно и трудно продвигалась к Берёзовым островам.

Когда до Выборга уже было подать рукой, адмирал Крюйс, взявший на себя вер-

ховное командование с позволения царя, распорядился направить суда к берегу. Галеры и фрегаты дружно бросили якоря.

Стоял самый конец апреля. День уже удлинился настолько, что казался нескончаемым. Галерные гребцы, которым не было на судне другого места, кроме «банки», тянувшейся вдоль борта, устраивались на ночлег, укладывая на «банку» тюфяки, хранившиеся на носу галеры, без сил валились на них и мгновенно засыпали, укрывшись старой парусиной. Для шкипера и его помощников на корме галеры было обустроено особое крытое помещение. Там стоял стол, походный киот с иконами и несколько кроватей.

Матросы, служившие на линейных кораблях, отдыхали в чреве судна, именуемом трюмом. Спустившись туда, каждый ощущал резкий дух солонины, плесневеющих сухарей и тухлой воды, заполнявшей дубовые бочки, теснившиеся посередине. Под ногами чавкала вязкая жижа. Это питьевая вода, просочившаяся из щелей, перемешалась с песчаным балластом — без него судно потеряло бы остойчивость. Полчища неистребимых серых крыс, нагло сновавших по всему кораблю, в трюме чувствовали себя особенно вольготно. И среди ночи частенько раздавался испуганный, злой окрик матроса:

— Ах ты, язва, чтоб ты разорвало, окаянная! Сгинь, паскуда!..

Это серая тварь кусала спящего.

Корабли того времени — громоздкие, тихоходные и щедро изукрашенные — грозной военной силы не представляли. А скудное питание, отвратительная питьевая вода и частые болезни иногда выкашивали весь экипаж. Только неумная, кипучая и деятельная натура Петра держала на плаву российский флот.

— Не трусь, молодцы! С вами сам государь! Вы когда-нибудь слышали, чтобы помазанник божий утонул?! — такое слышал моряк не каждого государства от своего государя...

Переночевав в капитанской каюте, с первыми лучами солнца контр-адмирал Михайлов поднялся на мостик и окинул взглядом бухту. К утру ветер сменился, значительная часть залива почти очистилась ото льда. На палубах засвистели боцманские дудки. Гребцы на галерах, зевая и крестя рты, нехотя поднимались на ноги. Дневальные обносили команду водой и сухарями. Традиций на флоте и в армии ещё не было, не было обязательного построения. Шкипер попросту вышел на палубу, оглядел сверху свою разношерстную команду, перекрестился и отчеканил:

— На вёсла! Живо! Якорь поднять!

Гребцы уселись по местам, взяли в руки тяжёлые, натертые мозолистыми ладонями до зеркального блеска рукояти длиннющих вёсел и замерли, ожидая приказа. Якорь со стуком опустился на нос галеры.

— С Богом! Пошли! — прозвучал зычный голос шкипера.

С мостика ему были видны склонённые головы и согбенные плечи более чем пятидесяти парней и мужиков. Услышав команду, они враз откинулись назад, лопасти десятков дубовых вёсел с маху окунулись в спокойную, ничем не замутненную морскую гладь. Галера дрогнула, как единое живое тело, по обе стороны бортов вскипела белоснежная, летучая пена.

Набирая ход, судно двинулось прочь от пустынного, необжитого берега. На других галерах и кораблях тоже не дремали. Повинуясь строгим приказам командиров, гребцы и матросы наваливались на вёсла и ставили паруса. Контр-адмирал Пётр Михайлов принимал живейшее участие в передвижении морского десанта, не подозревая о том, что одиннадцать кораблей шведского флота также спешат к осаждённому Выборгу. Но волей случая, их дерзким намерениям воспрепятствовали мощные ледяные поля, отнесённые ветром вглубь Финского залива.

Государь спешил. Как истинный моряк, он был суеверен, твёрдо помня о том, что удача не может баловать человека постоянно, особенно на море. Светило ласковое апрельское солнце, свежий ветер наполнял паруса. Гребцам на галерах дали передышку, матросы развернули косые латинские паруса, на мачтах затрепетали Андреевские флаги, придуманные когда-то самим царём.

Миновав Берёзовые острова, эскадра вошла в узкий залив, в глубине которого высились крепкие стены старинной крепости. Это был древний Выборг, осаждаемый генерал-адмиралом Апраксиным уже третий месяц. В стороне от мощных стен цитадели, на расстоянии гораздо большем, чем пушечный выстрел, белели армейские палатки, а в сотне сажений от них торчали свежеструганные еловые кресты.

Эскадра бросила якоря. Спустившись по верёвочной лестнице в шлюпку, царь сам сел за руль и кивнул гребцам:

— Навались, молодцы! А ну-ка, разом!

Берег был усеян солдатами, издавек заметившими приближение боевых кораблей. Командиры, догадываясь о том, кто к ним пожаловал, спешно расставляли подчинённых в какое-то подобие воинского строя, бегая и разбрасывая ругательства и

зуботычины. Шлюпка ткнулась носом в берег, матросы дружно осушили вёсла. И солдаты, словно по мановению свыше, мгновенно затихли и выровняли строй. Заметно отощавшие, в потрёпанных кафтанах, они не выглядели бравыми вояками.

Пётр, в зелёном мундире, чёрной треуголке и высоких сапогах-ботфортах, привычно спрыгнул на кромку берега. Внимательным взглядом окинул замершее, угрюмое воинство, и добродушно гаркнул:

— Здорово, служивые!

Воинские ритуалы ещё не были, как следует, прописаны и отработаны, и потому в ответ раздались беспорядочные, зато искренние выкрики:

— Будь здоров, царь-батюшка! Челом тебе! Ратуй за нас, милостивец!..

Откуда-то сбоку появился генерал-адмирал Фёдор Матвеевич Апраксин. Заметив его, государь сам шагнул навстречу боевому товарищу. Они крепко обнялись. Со стороны это выглядело довольно забавно: согнувшись в три погибели, Пётр отечески навис над растроганным адмиралом, а тот уткнулся носом в его грудь.

— Как твои успехи, Федя? — похлопав Апраксина по плечу, заботливо осведомился государь.

— Хвастать нечем, Пётр Алексеевич...

— Вижу-вижу... — царь показал подбородком на череду свежеструганных крестов.

На крепостной стене Выборга появились тёмные фигурки людей, блеснул солнечный зайчик увеличительного стекла. Наверняка кто-то из шведских военачальников пытался рассмотреть в подзорную трубу происходящее в русском лагере.

— Они? — Пётр кивком головы дал понять, кого он считает виновниками сотен смертей.

— Нет, слава богу, не они. Голод...

— Так чего же мы стоим?! Прикажи людям суда разгружать!..

С галер и кораблей, стоявших на рейде, стали сгружать на берег провиант, порох и пушки. Солдаты и матросы, горяча и подстёгивая друг друга, по колено и по пояс в ледяной воде, сносили на берег мешки с солониной, сухарями и порохом...

Царь взял в руки подзорную трубу и навёл на осаждённых.

— Кто у них за коменданта?

— Генерал Любекер.

— О сдаче речи не шло? — Апраксин пожал плечами:

— Куда там! Давеча я лазутчиков засылал. Трёх чухонцев. Запасы в крепости тоже на исходе, однако ж Любекер ждёт подмоги с моря...

Пётр опустил подзорную трубу.

— Немедля начинать штурм! Стены, хоша и прочные — сильного огня не выдержат. Чего волынку-то тянуть?

Пару часов спустя государь отправился назад в Санкт-Петербург, а солдаты и артиллеристы заботливо расставили вновь привезённые, мощные орудия, и начался ожесточённый обстрел непокорного города. После прихода русской эскадры во главе с Петром, доставившей генерал-адмиралу Апраксину провиант, порох и пушки, Выборг продержался две недели под обстрелом тяжёлых орудий и капитулировал. А вскоре после того Шереметев и Меншиков приняли капитуляцию Риги. Балтийские крепости, в которых ещё оставались шведские гарнизоны, сдавались одна за другой. К концу лета 1710 года вся Лифляндия и Эстляндия были очищены от шведов.

7

В степи вокруг Бендер уже отцвели маки. Густой ковыль, вымахав чуть ли не в рост человека, покорно склонил долу свою пышную, серебряную гриву. Полынь, чабрец, типчак, мята, вобрав в себя все живительные земные соки, наполняли округу терпким, дурманящим ароматом. В белёсом, истомлённом зноем воздухе, в далёком поднебесье сторожко застыли всевидящие коршуны. Дрофы и стрепеты, попрятавшись в высокой, густой траве, сидели, распушив перья и раскрыв от жары клювы. Степные лисы и волки, укрывшись в тёмных норах и логовах, лениво дремали, отпихивая лапами неутомных щенят, не дающих родителям покоя. Овечьи стада, набив животы травой, молча, недвижимо, словно груды серого от пыли войлока, возлежали на земле, запалённо дыша. Мохнатые сторожевые псы, потомки древних волкодавов, оставшихся от забытого римского владычества, вывалив плоские, влажные языки, сидели чуть поодаль, настороженно поводя чуткими ушами. А меланхоличные, безучастные пастухи, лениво опершись на нескончаемо длинные, причудливо изогнутые посохи-«герлыги», неотрывно смотрели вдаль сощуренными, мечтательными глазами, словно пытаются припомнить что-то бесконечно важное и дорогое.

В самом же пограничном городке, с его узкими, кривыми улочками, глинобитными домишками и глухими двориками, тоже властвовали духота и зной. Не хотелось ни

двигаться, ни разговаривать.

После многомесячного, томительного бездействия шведского короля одолела ипохондрия. У него пропал покой и сон. Нечто подобное происходило с ним пару лет назад, когда он пересёк границу Украины и на берегах реки Десны ожидал генерала Левенгаупта. С генералом должно было прийти свежее подкрепление и большой обоз с оружием и продовольствием. Карл рассчитывал на него, но русские неожиданным манёвром настигли Левенгаупта у белорусской деревни Лесной и почти полностью уничтожили шведский корпус, захватив обоз. Руководил сражением сам царь Пётр. Карл помнил, как тёмной октябрьской ночью к нему в палатку привели уцелевшего в том бою солдата — грязного, обросшего, полуодетого, и тот, дрожа и запинаясь, сообщил о катастрофе.

— Ты дезертир и негодяй! Ты позорно удрал с поля боя и теперь бесстыдно лжёшь, что московиты разбили непобедимых шведов! — воскликнул Карл и взял со стола пистолет. — Я сам расстреляю тебя!

Тут неожиданно откинулся полог палатки, на пороге появился Левенгаупт, рухнул на колени перед монархом и заплакал...

Левенгаупт был в некотором роде воинским наставником Карла. Тонкий, расчётливый стратег, умелый тактик — он одерживал верх и над самым изворотливым и стойким противником. Как же могло так случиться, что не однажды битые им московиты сумели одолеть своего победителя?! Карл не мог поверить тому, что русские разгромили шведов в честном бою — наверняка им помог какой-то курьёзный случай...

Приближенные Карла, томившиеся вместе со своим королем в Бендерах, скучали и обсуждали новости, доходившие с фронтов Северной войны.

— Выборг был мощной крепостью, — глубокомысленно произнёс Шпарре, словно пытаясь убедить в этом не только себя, но и собеседника. Гилленкрок согласно кивнул:

— Рига не многим ему уступала...

Тут собеседники опять вспомнили роковую Полтавскую битву.

— Полтава — ничтожная крепость в сравнении с Выборгом, сложенная из дубовых брёвен, — молвил Гилленкрок, — но мы почти два месяца штурмовали её, хотя Его Величество был убеждён, что русские сдадутся при первых же выстрелах...

— Во многом виноват Мазепа.

— В чём именно, по вашему мнению?

— Вы ведь отлично помните — он заманил нас щедрыми посулами, обещал провиант, одежду, военные припасы, а что оказалось? — Шпарре развёл руками. — Ни провианта, ни зимнего обмундирования, ни запасов пороха.

Гилленкрок вспомнил, как три года назад Карл назначил Шпарре московским губернатором, уже собираясь разделить Россию на мелкие княжества, а сам Шпарре намеревался «разогнать русскую чернь со всего света плетями» и называл всех русских «канальями».

— Эти русские каналы, — не глядя в лицо генералу, негромко проговорил адъютант, — оказались крепкими орешками. Кто бы мог подумать!

— Если бы наш король ночью накануне сражения не стал объезжать русские позиции и не наткнулся на засаду...

— Сражение под Полтавой закончилось бы нашей победой?

— На войне, как вы знаете, случается самое невероятное... Ранение короля ослабило боевой дух солдат. А царь Пётр сам вёл своих солдат в бой...

Гилленкрок имел свое мнение о решающей баталии. Когда утром 27 июня адъютант короля увидел десяток вражеских редутов с жерлами орудий и дымящиеся фитили в руках канониров, ему стало ясно, что исход сражения предрешён. Пушек у русских оказалось больше сотни против четырёх шведских. Раненый Карл был беспомощен, передвигаясь на носилках. Атакующую шведскую пехоту выкашивала, как траву, русская артиллерия. Шведская кавалерия пустилась в обход, но была встречена русской конницей под лихой командой Меншикова, под которым трижды падала убитая лошадь, но он оставался цел и невредим, как заговоренный. То же касается Пётра, которого невозможно было не узнать на поле боя, этот гигант на голову выше всех, но его даже не ранила ни одна из трех пуль, выпущенная, чтобы решить исход сражения при метком попадании. Одна пуля застряла в шляпе царя, другая угодила в седло, третья попала в стальной офицерский знак, висевший на груди царя...

8

Аннушке, послушной племяннице государя, исполнилось семнадцать лет, и Пётр решил, что пора её выдать замуж. У него давно зрела мысль, что пришла пора русскому царствующему дому породниться с королевскими домами Европы. У покойного брата Ивана, когда-то вместе с ним разделявшего трон, было пять дочерей. Две из них умер-

ли во младенчестве, в живых осталось три: старшая — Екатерина, средняя — Анна и младшая — Прасковья. Самой покладистой и сговорчивой была средняя. Её-то и задумал самовластный дядя первой отдать в чужие руки.

После Полтавской виктории, встретившись со своим невольным союзником прусским королём, Пётр решил пристроить Анну за племянника короля, курляндского герцога Фридриха-Вильгельма. Властитель Пруссии и молодой герцог не слишком обрадовались будущему семейному союзу, особенно жених, но после Полтавы отказаться было нельзя.

Невеста вместе с матерью, вдовствующей царицей Прасковьей Фёдоровной, и двумя сёстрами проживала под Москвой, в селе Измайлове. Пётр повелел специальным указом вдовствующей царице и трём её дочерям немедленно явиться к нему, а он ждал на берегу Ладожского озера в Шлиссельбурге (Орешке). Четыре вельможные московские барыни, привыкшие жить в удовольствии, спокойствии и безделье, с трепетом и страхом отправились в далёкий путь. Они тряслись в тесных каретах, ночевали на постоялых дворах, переправлялись через реки в ладьях и на паромках. Когда на горизонте показались высокие, массивные стены Шлиссельбургской крепости, путешественницы перевели дух. Они даже не успели набелиться и нарумяниться, как навстречу им прискакал сам царь с денщиком Кикиным и четвёркой лихих драгун.

— Ну, здравствуйте-здравствуйте, дорогие мои племяннушки и любезная сношенька! Я zelo вам рад!.. — Пётр крепко обнимал и целовал взасос всю свою ошеломлённую родню.

Государь внимательно оглядел своих близких: вдовствующая царица была одета по-русски, в однорядный суконный сарафан, в толстую душегрею, крытую парчой, на голове её красовался кокошник, похожий на опахало. Зато царевны все, как одна, щеголяли в европейских нарядах: в пышных кринолинах, в коротеньких мантильях, отороченных собольим мехом, в кокетливых чепцах. Пётр остался доволен осмотром, понимая, что вкус стареющей снохи уже не переделать, а ежели переодеть её в немецкое платье — смеху не оберёшься!

Усадив родню в карету, он повёз их к городку. Измученные кошмарной дорогой женщины мечтали об одном — поскорее оказаться в мягкой, тёплой постели и проспять несколько суток подряд, не размыкая глаз. Однако же дядюшка приготовил им сюрприз — вместо уютных хором с просторными кроватями и мягкими перинами их ждал двухмачтовый бриг, стоящий на якоре в небольшой бухте. У берега мерно покачивалась вместительная шлюпка с десятком матросов, выжидательно сидящих на вёслах. Прасковья, никогда не видевшая морских судов и обширных водных пространств, не на шутку встревожилась.

— Куда же ты нас, государь мой, привёз?! Нешто мы — твои матросы? — дрожащим голосом обратилась она к царственному деверю. Пётр, довольно улыбаясь, громкогласно объявил:

— А сейчас, мои разлюбезные гостенёчки, мы поднимемся на корабль и поплывём в славный город Санкт-Петербурх! Променад вам будет как нельзя кстати!

Царь поднял на руки свою любимую племянницу Екатерину и понёс её к лодке. Прасковья с двумя другими уныло потянулись следом — послушаться сурового самодержца они не смели. Матросы, глядя на царские причуды, довольно ухмылялись. Передав племянницу в их сильные, мозолистые руки, Пётр обернулся к снохе:

— Ну, где ты там, Прасковьюшка? Шагай смелей, матушка! Нешто совсем сомле-ла? И девки твои, вижу, шибко канителются.

Царевны, услышав дядин окрик, разом прибавили шагу, забавно выступая в своих иноземных вычурных нарядах. Их пышные юбки — кринолины, натянутые на обручи из китового уса, — зыбко колыхались в такт робким девичьим шагам.

— Женщина на судне — плохая примета, Пётр Алексеич, — негромко напомнил царю денщик Кикин, — а тут их целых четыре!..

Но государь только добродушно посмеивался, усаживая свою онемевшую от ужаса родню в шаткую посудину.

— Навались на вёсла, ребятушки! И доставьте сей драгоценный груз в целости и сохранности! Мне он zelo нужен!

Прасковья в испуге закрыла глаза. И стоило матросам налечь на вёсла, как вдовствующая царица жалобно запрочитала:

— Ой, боже-боже! Ой, матушка царица небесная! Заступница-троеручица! Ой, святые угодники! Ой, свят-свят-свят! Пресветлый Господь! Спаси нас и сохрани!..

Дочери, особенно младшая, готовились заплакать, но оглушительный хохот дяди и его денщика, довольные ухмылки матросов заставили их изо всех сил сдержаться. Старшая, Екатерина, и средняя, Анна, даже сумели перевести дыхание. Сидя на тесных скамьях, они смотрели на дно шлюпки и ни разу не взглянули по сторонам. Однако самое непредсказуемое, суматошное, завлекательное событие случилось потом,

когда лодка вплотную приблизилась к борту судна и оттуда спустили верёвочную лестницу. К ногам вдовствующей царицы, уже осипшей от причитаний, со стуком упала гибкая морская снасть. Государева сноха на миг затихла, с недоумением глядя на два крепких каната, соединённых между собой частыми верёвочными перемычками. Она в недоумении покосилась на своего царственного мучителя, а тот, давясь от хохота, бодро скомандовал:

— Ну, чего уставилась? Полезай!

— Куды? — Прасковья остолбенела.

— Туды, — царь задрал голову, — на борт, стало быть. Живей!

Обеспамятевшая женщина каким-то чудом сообразила, что её, помимо воли, вынуждают карабкаться на это бесовское сооружение, и храбро отбрила:

— Не полезу, Ваше Величество! Уволь! Хоть режь!..

Пётр подскочил к упорствующей снохе, обмотал её канатом и грозно прикрикнул:

— А ну, держись, упрямица! Крепче, кому говорю! — та невольна, что было сил, ухватилась за верёвочную «ступеньку». — Подымай её, братцы! Токмо аккуратней! — гаркнул царь.

Живая ноша медленно поползла наверх. Царевны тоненько, жалостливо повизгивали. Но бедная вдова, слава богу, держалась намертво, и проворные матросы мигом подняли её на палубу. Сказать по правде — высота была невелика, всего-то аршина три-четыре.

— Девки, — оборотился дядя к племянницам, — вы панталоны, чай, надеть не забыли? — он подмигнул в сторону гребцов. — А то они ослепнут ненароком, — верёвочная лестница вновь упала на дно шлюпки. — А ну, красавицы! — воскликнул царь. — Кто отважится свой страх одолеть? Ну же! Смелее! — Анна первая шагнула к борту. Дядя весь засветился от восторга: — Давай, Аннушка! Давай, милая! Чай, не к чёрту на рога поплывём, а в славный град Петербурх. На твою свадебку!

Всё дальнейшее произошло легче и быстрее. Трёх царевен, несмотря на их широченные кринолины, матросы ловко подняли на борт. Следом поднялись государь с денщиком, матросы поставили паруса, и судно снялось с якоря. Прасковья обняла дочерей, укоризненно попеняв царю:

— Крепко напужал ты нас, Ваше Величество! Куда с добром! Рази можно эдак-то с роднёй обходиться?! Девки мои и я, грешная, чуть со страху не окочурилась! Ох, не приведи, Господь!..

Тёмные воды Невы несли корабль в Петербург. И вот уже устье Фонтанки.

— Вот мы и дома! В самом что ни на есть Парадизе! Глядите и радуйтесь!

Среди встречающих были: губернатор Ингерманландии «светлейший граф Римской империи» Меншиков, канцлер Головкин, вице-канцлер Шафиров, все с супругами, царевич Алексей со своей крестницей, подругой царя Екатериной, и будущий жених царевны Анны курляндский герцог Фридрих-Вильгельм, которого привёз в северную столицу фельдмаршал Шереметев. Всех высоких лиц окружали ливрейные слуги, дворяне, купцы, иноземные и свои, и прочий разночинный люд.

На колокольне Петропавловского собора залиvisto и бойко зазвонили колокола. Матросы отвязали шкоты и по вантам устремились к гротам, марселям и брамселям — и в считанные минуты все паруса были прибраны. С шумом опустился в воду якорь, и несколько шлюпок, слаженно мелькая вёслами, направились от берега к судну. Вдовствующую царицу и трёх её дочерей бережно спустили в руки гребцов, усадили на скамьи, следом спустился государь. Шлюпка уткнуться носом в мокрый песок, и все высшие чины государства бросились навстречу властелину. Первым полез с объятиями Меншиков.

— С приездом, мин херц, заждались мы тебя!..

Свадьбу племянницы царь решил справлять, конечно же, в доме Меншикова, и тот первым делом поручил своим приближённым разыскать для свадьбы карликов со всей России и мужского, и женского пола числом не менее семи десятков, и чтобы «каждой твари» непременно доставили «по паре» в новый дворец губернатора, который был единственным большим и роскошным домом на Васильевском острове. Скромный домик Петра в сравнении с ним казался жалкой хибарой. Высотой в четыре этажа, с четырьмя колоннами главного подъезда и множеством светлых, узких окон, весело смотрящих на Неву, он приковывал все взоры. А чтобы «графу Римской империи» было удобно и сподручно появиться в любом месте новой столицы — прямо к ступенькам гранитной ограды его дворца был прорыт широкий канал. И Меншиков, встав поутру и позавтракав, неспешно спускался к ботику или яхте, смиренно поджидавших его, и плыл, куда хотел.

31 октября 1710 года в небольшой походной церкви, разместившейся прямо во дворе губернатора Меншикова, венчали курляндского принца Фридриха-Вильгельма и царскую племянницу Анну. С утра стоял лёгкий морозец. Солнце в северной столи-

це поднималось поздно и весьма неохотно, а полотняные стены хлипкого святилища совсем не держали тепла. Жених с невестой, войдя под матерчатые своды, увидели трехстворчатый, походный алтарь, перед которым ярко горело множество восковых свечей. Богато изукрашенный, сверкавший золотом и дорогими камнями, он заметно скрашивал непритязательное убранство временного храма.

Архимандрит Феодосий Яновский, будущий митрополит Новгородский, должный совершать обряд венчания, был облачен в дорогую, парчовую ризу, с золотым нагрудным крестом. Пётр, широко перекрестившись, дал знак начинать церемонию. Дьячок вручил жениху и невесте по тонкой, горячей свече, а губернатор и его супруга вознесли над головами брачующихся золотые изящной работы венцы. В данном случае Александр Данилыч и его дражайшая половина исполняли роли посажённых отца и матери. Архимандрит Феодосий звучным, внятным, проникновенным голосом поведал новобрачным и всем присутствующим о скромном торжестве в Кане Галилейской, куда был зван Иисус и ученики его, и не было у людей, пришедших на праздник бракосочетания, ни единого кувшина вина, а только шесть пустых каменных сосудов.

— Мы же с вами, чада мои, пребываем не в Кане Галилейской, а в граде Святого Петра, возведённом нашим государем по велению Господа. И вина нам будет вдосталь, ибо так угодно Провидению.

Царь и все присутствующие одобрительно улыбнулись ловкому замечанию священника. Только на лицах жениха и невесты не отразилось ничего. Жениха, пребывавшего уже два месяца в ожидании невесты, местные доброхоты, с ведома щедрого губернатора, ежедневно накачивали вином, и теперь Фридрих-Вильгельм пребывал в соответствующем состоянии, а юная Анна стояла, как оглушённая громом, ничего не видя и не слыша. Феодосий плавно и незаметно перешёл к посланию апостола Павла к ефесянам.

— Жена, повинуйся своему мужу, как Господу, ибо муж есть глава жены, как и Христос — глава церкви, — архимандрит взглянул на склонённую голову невесты и присовокупил: — Муж любит свою жену, как Христос возлюбил церковь, ибо любящий свою жену любит самого себя, а жена да убоится своего мужа.

С возглавля тоненькой свечи в руке невесты, словно крохотные слезинки, стекали капельки расплавленного, горячего воска прямоком на её бледные, иззябшие пальчики. И Анна охотно принимала их живительное тепло. А стоящий рядом жених, с трудом держась на хлипких ногах, осовело щурился на сверкающее облачение священнослужителя. Феодосий, наконец-таки, предложил жениху поцеловать невесту. Курляндец повернул к наречённой голову, замер и покачнулся. Гости тихо охнули, но Фридрих-Вильгельм героическим усилием удержался на ногах. Аннушка, склонившая очи долу, даже не увидела, как суженый приблизил к ней своё лицо. Только крепкие винные пары нахально окутали ей нос и рот, а мокрые губы жениха мельком ткнулись невесте в щёку. Послышались возгласы одобрения.

Чета Меншиковых с облегчением опустила золотые венчальные уборы. Государь подошёл к племяннице и заботливо накиннул ей на голые плечи свой шерстяной плащ. Он был вполне удовлетворён свершившимся событием.

— Данилыч, столы-то у тебя, чай, уже накрыты?

— А как же, государь! — живо откликнулся губернатор, ухватив под руку едва державшегося на ногах принца. — Да неужто скатерть-самобранка из моих хором пропала? Всё будет в лучшем виде!

Денщик царя Кикин подхватил курляндца с другой стороны. Пётр вывел за порог невесту, следом за ними показался жених, заботливо поддерживаемый губернатором и царским денщиком. Потом потянулись мать и сёстры новобрачной, далее двинулись сановитые гости: вдовый фельдмаршал Шереметев, канцлер Головкин, генерал-адмирал Апраксин, вице-канцлер Шафиров под руку с жёнами. Дьячок старательно тушил бесчисленные свечи, архимандрит Феодосий тоже пристроился к важной процессии, чинно направлявшейся во дворец губернатора. Хотя сама брачная церемония и не вызвала у большинства гостей умиления и восторга, однако предвкушение грядущего роскошного пиршества заставляло чаще биться страждущие сердца и заметно ускорять шаг.

Двери парадного подъезда были широко распахнуты, из них гремела развесёлая, бравурная музыка. Повсюду, начиная с мраморных ступеней дворца, проворно сновали бойкие карлики и карлицы. Отменно уродливые и безобразные (таково было пожелание царя), но разодетые в дорогие, великолепные наряды, по самой последней европейской моде (это была заслуга самого губернатора). Они низко кланялись гостям, заразительно смеялись и наперебой корчили потешные, уморительные рожи. Настроение у собравшихся поднялось необычайно.

И грянул пир. Широочные праздничные столы во дворце губернатора, расставленные своеобразным овалом во всю длину огромного зала, вмещали более двух сотен гостей. Кроме достаточного числа соотечественников, царь любезно пригласил

на торжество иностранных гостей и даже шведских пленников: фельдмаршала Реншильда, премьера Пипера и секретаря Цидельгейма. Мужчины расселись по внешней стороне, женщины расположились внутри. По обычаю того времени, усаживать кавалеров и дам бок о бок, вплотную друг к другу, никак не дозволялось, они должны были размещаться напротив, имея приятную возможность неотрывно созерцать противоположный пол. А посредине стоял большой отдельный стол, за которым восседали жених и невеста.

Просторные столы ломились от изысканных блюд и дорогих заморских вин. Однако внимание гостей, до поры до времени, сосредоточилось на юных новобрачных. Молодая от смущения не поднимала глаз, о суженом она словно забыла, а он тоже сидел ни жив, ни мёртв. Согласившись, под настойчивым напором своего дяди, на брак с русской царевной, курляндский принц, увы, чувствовал себя безвинной, напрасной жертвой. Азиатская страна, неприглядный, нечистый город, утомительное венчание в холодной полотняной церквушке, шумный, непонятный говор вокруг — всё это бесконечно угнетало Фридриха-Вильгельма. О будущем он старался не думать, желая лишь одного: чтобы это бурное, помпезное, несносное торжество закончилось как можно скорее.

Четвёрка слуг внесла на серебряном подносе огромный праздничный пирог. Все дружно захопали. Пирог поставили на стол новобрачных, и сам государь, в коричневом суконном сюртуке с розовыми пуговицами и в узких коричневых штанах, держа в руке большой столовый нож, степенно подошёл к нему. Зал в ожидании замер. Пётр, сжав в комок маленький рот и топорща подвижные стрелки усов, осторожно погрузил лезвие в самую маковку громадного пирога, победно оглядел гостей и новобрачных, затем умело и решительно распластал его. Из чрева кулинарного чуда, к безмерному удивлению и шумному восторгу собравшихся, выпорхнули две миниатюрные карлицы в пышных париках и блестящих, дорогих кринолинах. По залу пронёсся гул изумления, духовая музыка на антресолях заиграла знакомый менуэт. Карлицы, прямо на столе, оставив малюсенькие ножки и держа крохотными ручками пышные юбки, изящно исполнили несколько тактов модного танца. Гости в восторге захопали. Царь по очереди поднял обеих карлиц на руки, крепко расцеловал в губы и бережно опустил на пол. Они радостно засмеялись высокими, ломкими голосами и проворно, как дети, убежали. В глазах жениха мелькнуло удовлетворение — неожиданный сюрприз пришёлся ему по вкусу. А невеста, наконец, подняла ресницы, но в бледном лице её ничего не изменилось. Царственный дядя весело засмеялся, шумно хлопнул в ладоши и громогласно объявил:

— А теперь танцуют все! И молодые тоже!

Никто не посмел ослушаться монаршего приказа. Гремя стульями, гости встали из-за столов. Кавалеры, дамы, поправляя парики и праздничные наряды, оживлённой гурьбой потянулись в танцевальный зал. Пётр кивнул новобрачным, и Фридрих-Вильгельм, неловко взяв под руку Анну, двинулся следом за всеми.

Танцы, по обыкновению, открывались церемониальным контрдансом: кавалеры и дамы разбились на две пышные шеренги и под звуки медленной, плавной музыки, важно раскланиваясь и манерно приседая, поворачивались то налево, то направо. Со стороны это напоминало движения марионеток. Громко звучал оркестр. Государь, ухватив за руки новобрачных, поставил их во главе обеих шеренг, а сам отправился к небольшой кучке своих ближайших военачальников и вельмож, не танцующих по причине дородности и возраста. Кавалеры и дамы, словно на уроке у танцмейстера, усердно кланялись и приседали, напоминая старательных учеников и учениц. Невеста и жених, поставленные во главе всего курьёзного действия, исполняли его хуже всех. Молодая — от волнения, её избранник, по-видимому, — от простого неумения. Шведы снисходительно улыбались.

— В Европе, между прочим, эта мода уже прошла, — с видом знатока заметил Реншильд, — там подобных танцев нет.

— Вы забыли, Карл, где мы находимся! — отозвался премьер Пипер.

Церемониальный танец благополучно закончился, и зазвучал менуэт. В менуэте кавалеров выбирают дамы. Все взоры, естественно, обратились на главное действующее лицо, а это был не жених. К государю приблизилась стройная молодая женщина с гладким румяным лицом, сделал едва заметный книксен. Это была Екатерина. Царь милостиво протянул ей руку, и пара двинулась в круг танцующих. Пётр, несмотря на гигантский рост, танцевал прекрасно: был гибок, ловок, проворен и тонко чувствовал ритм. (Сказались уроки покойного Франца Лефорта — блестящего танцора и дамского угодника). Партнёрша ни в чём ему не уступала.

— Говорят, что он еще и отлично поёт в церкви, — заметил Реншильд.

— Только нам от этого не легче!..

Пётр плясал самозабвенно. Он не только исполнял все обязательные фигуры тан-

ца, но и позволял себе своевольничать, или, говоря современным языком, — импровизировать. Его партнёрша, едва достававшая груди царя, понимала умелого кавалера не с полуслова, а с полувзгляда, удачно предвосхищая его телодвижения.

Вот так — и вся Россия.

Пока всё складывалось даже лучше, чем того хотелось. За спиною были грандиозные победы — Полтавская и многие другие. Вся Европа, скрепя сердце, признавала возрастающую силу оружия мощь России. И он, российский самодержец, суровый воин и рачительный хозяин, может себе позволить — хоть на день, хоть на час — отвлечься от рутинных, насущных забот и тревог, открытой душой безудержно отдаваясь шумному, неукротимому, искромётному веселью. Царь танцевал.

***

Свадьба царёвой племянницы растянулась чуть ли не на месяц, торжество плавно перешло в хмельные, праздные забавы, чему не помешала даже внезапная смерть губернаторского первенца Луки, крестника государя. Следом Пётр учинил бракосочетание карлика Ефима Волкова, которое своей пышностью, разгулом и размахом ни в чём не уступило предыдущему торжеству. За обильными пиршественными столами наперегонки бражничали и куролесили все семьдесят два маленьких человечка во главе с женихом и невестой, а сам государь, его вельможи и знатные гости с любопытством наблюдали за непотребным шутовским весельем.

Фридрих-Вильгельм тоже посылно участвовал во всеобщем разгуле, сумасбродных, сомнительных шалостях и неумных проказах. Стараниями ловкого губернатора доброхоты не уставали накачивать его вином. И, в конце концов, всё закончилось тем, что упившегося до беспамятства принца уложили в роскошную, дорогую карету, подаренную новобрачным дядей-царём, рядом поместилась опечаленная и обескураженная молодая жена, готовая отправиться в неведомую Курляндию. Мать Прасковья и обе сестры заливались горячими слезами, вдова даже причитала, как по усопшей. Карета тронулась — и через сорок вёрст на небольшой станции (мызе Дудергоф) Фридрих-Вильгельм в одночасье отдал богу душу. По официальной версии — «скончался от неумеренного питья». Впрочем, никто и никогда сего не оспаривал.

Книга II. ТРАГЕДИЯ

1

25 февраля 1711 года в Москве в Успенском соборе Кремля состоялось всенародное молебствие. А за три дня до того был обнародован манифест о грядущей войне с Оттоманской Портой. Перед собором в торжественном строю стояли гвардейские полки с новыми, красными знамёнами (вместо прежних белых), и на них был вышит золотом призыв: «Во имя Иисуса Христа и христианства!» А на некоторых красовался золотой крест и под ним надпись: «Сим знаменем победиши». Митрополит Стефан, стоя на амвоне, звучным голосом возглашал:

— Облекитесь, православные, во всеоружие божие, чтобы вам можно было стать супротив козней дьявольских!..

Для духоподъёмной службы «За отечество и за люди во время брани» он избрал «Послание к ефесянам» апостола Павла. Государь вместе с ближайшими сподвижниками стоял в пяти шагах от амвона. За его спиной сгрудилась московская знать. Двери собора были широко распахнуты, и волны морозного воздуха, мешаясь с паром от сотен разгорячённых тел, заставляли неверно колебаться и тускло мерцать огни свечей в огромных паникадилах. Оттого в храме стоял зыбкий, таинственный полумрак.

— Станьте, верующие, препоясав чресла ваши истиною, и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир, — Стефан возвысил голос. — А паче всего возьмите в руки щит веры, коим возможете угасить все раскалённые стрелы лукавого! — митрополит осенил крестом паству, царь и все собравшиеся тоже перекрестились, многие едва сумев воздеть руки в немыслимой тесноте. — И шлем спасения непременно возьмите, — напутствовал Стефан, — и меч духовный, который есть слово божие!..

На соборной площади замерли в строю гвардейские полки. После молебствия в церкви митрополит торжественно приблизился к воинскому строю, размашисто перекрестил гвардейцев. Они, по команде, сняли чёрные треуголки. Дьячок поднёс митрополиту ведёрко со святой водой, протянул густую кисть. Стефан взял её и окунул в воду. Знаменотцы разом склонили свои тяжёлые полотнища.

— Во имя Отца и Сына и Святаго духа!.. — митрополит щедро окропил пурпурные знамёна. Пётр и его генералы обнажили головы.

После освящения знамён семёновцы и преображенцы, печатая шаг, двинулись вон из Кремля. Над их головами мерно колыхались пурпурные полотнища с золотыми письменами, отмеченные благодатью божьей, но пока не овеянные славой. Москвичи, разинув рты, изумлённо созерцали шагающих по заснеженным улицам солдат, одетых в тёмно-зелёные кафтаны, чёрные треуголки и ярко-красные чулки. Вскоре эти полки отправились на соединение с армией Шереметева, идущей к границам Порты.

Основная часть русской армии, расквартированная в разорённой и обезлюдившей Риге, вышла в поход на юг ещё в январе 1711 года до объявления войны Порте. Главкомандующий генерал-фельдмаршал Шереметев пока оставался в Риге. Пётр обязал его заготовить провиант для рижского гарнизона.

Русская пехота, кавалерия и артиллерия с трудом двигалась по заснеженным, глухим дорогам. Снаряжение солдата на марше было нелёгким. Фузеля (ружьё) весила четырнадцать фунтов (более 5 кг), к ней прилагался восьмивершковый (35 см) трёхгранный штык, называемый багинетом. Пули, порох и пыжи помещались в кожаную сумку, к которой привязывалась натрубка из коровьего рога. Натрусковой отмерялся заряд пороха, насыпаемый в дуло ружья. Кроме того, рядовой был вооружён шпагой. Сержанту ещё полагалось иметь алебарду — топор на трёхаршинном древке (более двух метров).

В каждом полку одна рота называлась гренадёрской, и помимо всего, полагавшегося обычному солдату, гренадёр носил в особой сумке фитильные бомбочки. Понятно, что мужчин туда брали отменно здоровых и сильных. Гренадёр, таскавший за спиной чугунные шары весом почти в фунт в количестве десятка штук, не мог быть слабым замухрышкой. В бою ему предназначалось поджечь фитилёк своего чугунного снаряда и бросить его на приличное расстояние (подобно современной гранате). А ещё он носил с собой фузель, шпагу, ранец с пулями, порохом и обмундированием.

Пожалуй, тяжелее всего была доля рядового артиллериста. Ко всему вышеприведённому ему приходилось иметь при себе мортирцу — нечто среднее между фузеей и маленькой пушкой. Стреляли из неё фунтовыми ядрами, поставив мортирцу на специальную подставку-алебарду.

Главными орудиями были трехфунтовые полковые пушки. Весили они вместе с передком и лафетом около двадцати восьми пудов (чуть меньше полутонны). Каждую пушку перевозила четвёрка лошадей, а трёхфунтовой она именовалась потому, что стреляла чугунными ядрами весом в три фунта (примерно 1,2 кг). Дальность стрельбы — около 150 сажень (чуть больше 300 метров).

Даже бывалые ветераны в армии, покинувшей Ригу, не чувствовали ни малейшего удовлетворения от происходящего. Им не удалось как следует отдохнуть в обнищавшей, голодной Прибалтике. Больше всех страдала пехота. Драгуны и артиллеристы, имея лошадей, могли свернуть с главной дороги и пуститься грабить ближайшие сёла и хутора, что считалось делом обыкновенным на войне и практиковалось всеми воюющими армиями мира во все времена...

Царь пребывал в Москве и, помимо прочих забот, был занят учреждением Правительствующего Сената, который занял место упразднённой боярской думы и должен был ведать всеми делами государства во время отсутствия государя. Из своих ближайших сподвижников он отобрал восемь человек и назначил их сенаторами, обязанными неукоснительно исполнять волю государя. Наряду с представителями княжеских фамилий — Голицыных, Волконских, Долгоруких — там оказались люди отнюдь не родовитые. 2-го марта 1711 года в присутствии царя и митрополита Стефана восемь сенаторов поклялись на верность самодержцу и государству Российскому в Успенском соборе. За неграмотного князя Михаила Долгорукого подписался сенатор Племянников. В тот же день был обнародован указ, коим предписывалось всем духовным, мирским (гражданским) и военным чином повиноваться Сенату, как самому царю.

Заодно с Сенатом Пётр учредил новый суд, а 5-го марта последовал указ: «Всем сенаторам места иметь по списку. Голоса иметь равные, в приговорах быть единогласно. Один голос останавливает всё решение. Далее: избрать обер-фискала (обер-прокурора), ему иметь под собою провинциал-фискалов. По одному у каждого дела». Сие нововведение весьма напугало всю знать не только в Москве, но и на местах. Петровские фискалы стали тайными государственными наблюдателями, и всякий, попавший в поле зрения фискалов, мог лишиться чина, имения и жизни. Причем половина конфискованного имущества попадала в казну, другая доставалась обвинителю. И если обер-фискал даже не мог доказать справедливость своих доносов — за это он не отвечал, а обвиняемые не должны были мстить, под страхом наказания.

Издав новые указы, царь получил известие, что кубанские татары соединились с крымскими и под предводительством гетмана Орлика совершили набег на украинский городок Немиров. Пётр направил письма к генералу Долгорукову, приведшем полки в Каменец-Подольск, и князю Голицыну, стоявшему в Малороссии, повелев им

отбить неприятеля и дожидаться прихода основной армии Шереметева из Риги.

Главкомандующий Шереметев, догнав свою армию, с великим трудом добрался с ней до Минска. Там пришлось задержаться на две недели. Пополнить продовольствие, подковать лошадей и починить телеги. Белоруссия была разорена. За три года, прошедшие после того, как в здешние места докатилась война, здесь мало что изменилось.

Шереметев хорошо помнил, как осенью 1708 года Карл надеялся стремительным манёвром обойти русских, дать им несколько разгромных сражений, двинуться на Москву и там принудить Петра к капитуляции. Шереметев тогда командовал сухопутной армией, а конница была под началом генерал-поручика Меншикова. Разгадав намерения шведа, царь приказал своим полководцам держать оборону у реки Березины, ни в коем случае не ввязываясь в генеральное сражение. Следовало донимать неприятеля множеством мелких стычек и лишать продовольствия и мест постоя. Драгуны и казаки сжигали сено, избы и уводили население.

Шведский король перехитрил Меншикова: навел ложную переправу через Березину вблизи Борисова, а основную часть армии переправил южнее. Там оказались обширные, непроходимые болота, но Карл приказал мостить гати и появился против левого крыла русской армии. В центре русских сил стояли солдаты Шереметева и драгуны Меншикова, на правом фланге — генералы Алларт и Флюк, на левом — Репнин и Гольц. Шел дождь, окрестности покрывал туман. Всё решил внезапный и яростный напор шведов. Карл ударил на Репнина и почти не встретил сопротивления: оторопевшие от неожиданности солдаты даже не успели изготовиться к бою, шведы погнали их в лес, рубя на скаку палашами.

Затем Карл заставил отступить Гольца (наёмника). К этому времени туман рассеялся, Шереметев и Меншиков увидели врага воочию и бросились на помощь своим. Завязалось серьёзное сражение, грозившее стать генеральным. Шведы потеряли тысячу двести человек и отступили, а их король застрял на коне в трясине и был спасен поляками, но записал на свой счет очередную блистательную победу, захватив у противника часть артиллерии, несколько знамён и четыре сотни пленных. Карл приказал выбить памятную медаль в память об этой кровопролитной схватке недалеко от села Головчина и на медали запечатлеть такие слова: «Побеждены леса, болота, оплоты и неприятель».

Русские военачальники, несмотря на провальное начало битвы, тоже остались удовлетворены — они остановили врага. Шереметев с Меншиковым пребывали в убеждении, что Карл намерен двигаться на Оршу, потом на Смоленск, а далее — Москва. Полководцы отбросили шведов на юг и отправили бодрое донесение государю в Петербург. Получив известие о неожиданном сражении, заставившем шведов отступить, Петр несказанно обрадовался и написал генерал-адмиралу Апраксину: «Я zelo благодарен Богу, что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошо». Петр думал, что его армия основательно потрепала врага и принудила в панике отступить. Но спешно прибыв в ставку Шереметева и узнав подробности, царь вознегодовал и выговаривал с глазу на глаз старому фельдмаршалу:

— Вы что мне, негодники, отписали? «Конница наша шведов многократно с места сбивала, токмо местность не позволила нашей пехоте в сражении участвовать...» — Борис Петрович опустил голову. Слова, относительно неудобного рельефа местности были сочинены им. — «А не будь такового — всему неприятельскому войску конец бы пришёл?!» — Пётр задышался от ярости. Шереметев втянул покаянную голову в плечи. Лихая словесная бравада принадлежала Меншикову, Шереметев не хотел этого писать, но Данилыч убедил. — А где наши пушки? Знамена? — скрежетал зубами государь.

— Карлус объявился внезапно, аки призрак в ночи...

— А вы при виде его в штаны наклали?! — царь раздувал ноздри короткого прямого носа. — Почему Репнин в штыки не принял шведа? Ружейным и пушечным огнём не встретил?!

— Да я же говорю, — тянул своё Борис Петрович, — шведы как из-под земли воспряли. Никто их не ждал...

У Петра тряслась голова и дёргалось лицо, однако он взял себя в руки и голосом, не сулящим ничего утешительного, объявил:

— Вскорости надлежит быть суду. Всем виновникам воздастся по всей строгости. Вплоть до лишения живота! Тебе и генерал-поручику Меншикову следует предстать на нём вместо судей. Быть по сему!

Суд состоялся незамедлительно, а главным обвиняемым на нём предстал боевой генерал Аникита Репнин. Меншиков значился в роли председателя. Он и Шереметев, желая нарочито отвести от себя все подозрения в нерасторопности и лжи, приговорили Репнина к смертной казни. Бедный Аникита Иванович, геройски проявивший себя в

той баталии и виновный только в том, что Карл появился перед ним лицом к лицу, был потрясён. Государь, присутствующий на суде, казался вполне удовлетворён приговором. К подсудимому подошли два рослых сержанта и сорвали с него все знаки генеральского достоинства: погоны, аксельбанты, ордена, забрали шпагу. На Репнине не было лица, в глазах стояли слёзы, помертвевшие губы шептали «Отче наш». Меншиков, Шереметев, другие генералы — иноземные и наши — не поднимали голов. Караул уже готовился привести приговор в исполнение, и тут в тесной избе раздался голос царя:

— Живота не лишать. Лишить чинов и звания. Службу ему продолжать рядовым, — вздох облегчения пронёсся по дому. Государь подошёл к плачущему Репнину, ещё не осознавшему, что ему сохранили жизнь, крепко обнял и поцеловал в темя. — Ну, будет... Будет тебе, Аникита... — и обратился к остальным: — Кто возьмёт к себе на службу сего доблестного солдата?

Вспоминая это, Шереметев понимал, что история, случившаяся с Репниным, могла повториться с ним самим.

В дом вошёл сын Бориса Петровича, молодой полковник Михаил Шереметев:

— Батюшка, провианту боле добыть негде... Но кони подкованы, телеги на ходу... Солдаты покуда терпят...

— Ну, ин ладно. Будем двигаться дале...

2

6 марта 1711 года в Москве государь всенародно объявил о своём грядущем браке с Екатериной Алексеевной и отправился вместе с ней следом за главной армией, спешившей к границам Порты. Своего сына, двадцатилетнего царевича Алексея, царь оставил надзирать за государственным правлением в его отсутствие (в дополнение к Правительственному Сенату). А светлейшего князя Меншикова указом назначил военным губернатором Санкт-Петербурга.

Жених и невеста, имевшая от него двух дочерей, сели в простую почтовую карету и под охраной эскадрона драгун по смоленской дороге направились в сторону Польши. Денщик государя и его кабинет-секретарь сопровождали их верхами. Выехав из Москвы, почтовая карета, влекомая парой лошадей, с превеликим трудом катила по разбитой, в ухабах и промоинах, дороге.

После Можайска дорога резко отвернула на юг, а буйство весны стало неудержимым. Островки ноздреватого, мокрого снега прятались лишь по глухим овражкам, из-под жухлой прошлогодней листвы робко пробивались голубые и белые чашечки подснежников. По тутим белоснежным стволам берёз из трещин и морщин неудержимо струились теплые вешние соки. И в обочинах дорог бежали бойкие, говорливые ручьи.

На всех малых реках: Москве, Угре, Протве, Наре — благополучно сошёл лёд. А когда, миновав Вязьму, карета достигла Днепра, путникам стало ясно — и эта река вот-вот была готова вскрыться. Лёд, посиневший и вспухший, пошёл глубокими, грозными трещинами. Царь вылез из экипажа, подошёл к берегу, свежий ветер раздувал полы его темно-зелёного кафтана и едва не сорвал с головы чёрную треуголку. Придерживая её рукой, Пётр, цепко прикидывая расстояние, всмотрелся в противоположный берег, потом решительно командовал капитану драгун:

— Валите деревья, ребятушки! Мостите гать! Прохлаждаться недосуг...

Через несколько минут на берегу Днепра закипела жаркая работа. Драгуны топорами и палашами безжалостно рубили ивы и ракиты, спешно укладывая стволы и ветви на ледяной панцирь реки. Деревья уже принарядились в пушистые, похожие на мохнатых шмелей серёжки, достойно встречая желанную пору. Верховья Днепра в этом месте были нешироки, пожалуй, саженей с сотню, но для того, чтобы соорудить мало-мальски надёжный путь, пришлось вырубить под корень более полутора сотен деревьев, оголив пологий берег. Топоры стучали задиристо и смачно, во все стороны брызгал весенний сок. Ощущение риска заставляло всех трудиться безропотно и с огоньком. Никто никого не понукал и не торопил — в этом не было ни малейшей нужды. И каждый солдат понимал — царь рискует наравне со всеми, а вместе с ним и его благоверная! А она, судя по всему, ничуть не тревожилась за свою молодую жизнь...

Вплотную, одно к другому, укладывая на крошащийся лёд расчленённые тулова ивы и ракит и стеля поверх покрывало из веток, драгуны во главе с капитаном постепенно удалились к противоположному берегу. Рискованный путь как будто был готов. Большая часть солдат, денщик государя и секретарь, держа в поводу коней, остались на месте, рядом с царской каретой. Пётр, поколебавшись (он, видимо, намеревался пешком перейти Днепр), посмотрел на свою подругу и, взяв её за руку, решительно повёл к экипажу:

— Ну, в добрый путь! Поехали, Катеринушка! Коль погибать — так вместе!.. — он

подсадил невесту на ступеньку кареты и взобрался сам. — Трогай, любезный! С Богом! — раздался царский окрик.

Ямщик хлёстко ударил по спинам лошадей. Почтовый экипаж, неуклюже и зыбко покачиваясь, осторожно скатился на хлипкий настил. Кони, чувствуя под ногами нетвёрдую опору, всхрапывали и широко раздували ноздри, но, привычно подчиняясь злой, неуступчивой воле человека, покорно ступили на шаткий путь. Пётр невольно схватил руку Екатерины, желая успокоить и ободрить её, только в этом не было нужды. Она ответила благодарным пожатием на заботливый жест. Карета легонько покачивалась — солдаты не пожалели труда и веток, чтобы умягчить царскую дорогу. Столпившись на обоих берегах, они с опаской следили за государевым экипажем, отчаянно молясь в душе всем святым. А ну как державный властелин вместе со своей разлюбленной рухнет под лёд?! Им тогда не сносить голов! Капитан размашисто перекрестился.

Карета с царём и его невестой уверенно катила по пухлой подстилке, а ямщик не давал лошадям скакать во весь опор, дабы не раскатать и не обрушить ненадёжную переправу. Лишь когда до берега осталось полтора десятка шагов, он ожёг их кнутом, и кони рванули изо всех сил. Экипаж пулей вылетел на твёрдую землю. Тут солдаты взволнованно загомонили. Ямщик натянул вожжи, и карета разом остановилась. Царь распахнул дверцу:

— Ну, молодец-мужик! Ну, орёл! Лихо ты эту гать одолел. Исполать тебе!

Возница, довольно молодой, крепкий мужик, заодно ответил:

— Таперь ты меня, царь-батюшка, в солдаты поверстаешь?

Пётр весело рассмеялся:

— Вот тут ты, парень, не угадал! Добрые ямщики мне позарез нужны — кто почту будет немедля доставлять?..

Пётр догнал Шереметева в белорусском городке Слуцке. Оттуда до реки Припяти было вёрст сто пятьдесят, и, по причине полного бездорожья, пришлось одолевать эти вёрсты за пять дней. Лёд на реке вспух и угрожающе трещал, но царь вновь приказал мостить гати и пустился по шаткому настилу в карете вместе с Екатериной. В двадцати саженьях от противного берега лёд предательски разошёлся, и почтовая карета вместе с парой лошадей громоздко ухнула в студёную купель. Фельдмаршал Шереметев, следивший в подзорную трубу за передвижением государя, охнул и перекрестился левой рукой, шепча молитву. Пётр, не раздумывая, спрыгнул в воду, а плавать он не умел. Окунулся почти по горло, но берег был близко, под ногами — земля, и вдвоем с ямщиком, цепляясь за оглобли и облучок, они помогли лошадям вытащить на твёрдую землю карету с Екатериной.

Шереметев, переправившись через Припять и разместив в Луцке и его окрестностях армию, озаботился проблемой провианта. Сорокапятитысячное войско в десяток раз превышало население крохотного городка. Сами обыватели перебивались с хлеба на квас, а тут ещё голодные солдаты!..

В результате купания в ледяной воде царь заболел. Приступы мучительного, жестокого кашля, как правило, усиливались перед рассветом, и всё длинное, расслабленное тело Петра содрогалось от сухих, режущих ухо хрипов. Промежутки между приступами становились всё короче и короче, больной кое-как приподнимался на постели, хватая раскрытым ртом воздух, напоминая огромную рыбину, выброшенную на сушу. Лейб-медик Тирмонд, денщик и Екатерина неотступно находились подле государя. Через пару недель Петр пошел на поправку.

Екатерина, уединившись вместе с кабинет-секретарём Макаровым в небольшой комнатке в доме городского головы Луцка, решила написать письмо Меншикову. При отъезде из Петербурга Данилыч заклинал бывшую любовницу сообщать ему обо всём, что происходит вокруг государя. Будучи «детьми случая», чудом попавшими на самый верх, оба понимали, сколь непрочно их положение, и потому старались помогать друг другу.

Екатерина была неграмотна, и потому труд по написанию письма взял на себя секретарь.

— Что вы изволите отписать светлейшему князю? — глядя чёрными, зоркими глазами в лицо Екатерине, деловито осведомился Макаров.

— Надобно отписать князю, что Его Величество были крепко больны, а нынче выздоровели и далее следовать неотступное намерение имеют...

Макаров умокнул перо в походную чернильницу и старательно вывел: «Милостивый государь, светлейший князь Александр Данилович!..»

Звёздный час кабинет-секретаря наступит сразу после смерти Петра в короткий период царствования Екатерины: он станет членом Верховного Тайного совета и правой рукой императрицы, но сейчас они оба об этом и не помышляли...

Пока Макаров, склонив над столом коротко остриженную голову, усердно описывал тяготы и мучения, выпавшие на долю «контр-адмирала Михайлова», невеста царя

проворно штопала панталоны своего суженого.

В соседней комнате с шумом распахнулась дверь, слышались тяжёлые шаги, звон железа и голоса.

— Алексей! — раздался властный окрик государя. — Ты где там?

Макаров схватил перо, чернильницу, стопку бумаги и, осторожно ступая, прошёл к двери, ловко открыл и скрылся за нею. Пётр, Шереметев, Репнин, Алларт, Вейде, Головкин, Шафиров и Долгоруков уже сидели на лавках вдоль стен, а посредине стоял просторный стол.

— Садись. Пиши, — распорядился государь. Секретарь чинно положил перед собой десть чистой бумаги, беззвучно опустился на табурет, взял в руку гусиное перо. Пётр зорко посмотрел в лица генералов, остановив свой взгляд на фельдмаршале: — Тебе, Борис Петрович, надлежит к пятнадцатому маю достигнуть Днестра. Провианту при армии иметь на месяц, а лучше — поболее...

Большое, осанистое лицо Шереметева вытянулось в недоумённой гримасе:

— Да как же, государь? Сие едва ли возможно!..

— А какое ныне число? — в голосе царя обозначился металл.

— Тринадцатое апреля, — немедля отозвался Макаров.

— Неужто за целый месяц ты триста вёрст не одолеешь?

— На голодное-то брюхо!..

Государь миролюбиво пояснил:

— Валашский господарь Бранкован обещал поставить нам доброе число овец, волон и коней, а окромя того, бессарабский господарь Кантемир посулился пригнать на встречу армии двадцать тыщ баранов да десять тыщ волов.

— А разве господари между собой помирились? — спросил Шафиров. — Ведь Кантемир, как всем известно, ставленник османов...

— Скажи-ка, Пётр Павлович, в котором году мы со шведами вечный мир установили?

— В феврале 1616 года при деревне Столбове, государь, — мгновенно отозвался вице-канцлер, — при деде нашем Михаиле Феодоровиче.

— Однако же мир тот и ста лет не продержался!.. Надо думать, что нужда заставит этих господ помириться, а сколько этот мир продержится — бог весть!..

Генерал Алларт рискнул напомнить:

— Фуража запас на неделю остался...

— Да будет тебе, Людвиг Николаич! — улыбнулся Репнин. — Трава кругом вылезла, на кой ляд тебе солома да сено? Пушай лошадки на вольном выпасе жирок нагуливают...

— Верно говоришь, Аникита Иваныч! — подхватил Петр. — А когда мы к Дунаю продвинемся — там травы по пояс будут!..

— Так-то оно так, государь. Лишь бы эти чёртовы османы, как татары когда-то, всё огнём не пожгли!.. — суеверно предостерег старый фельдмаршал, памятуя о бесславных походах князя Голицына, когда крымские татары дотла выжигали в степи всю растительность.

— Вот потому-то, други мои верные, я вас и тороплю! Медлить нам нельзя никак, понеже турки и силы соберут немалые, и траву пожгут всю как есть!.. — царь повернулся к Макарову. — Пиши, Алексей, приказ всем выступать. А я нынче же еду в Польшу повидаться с королём Августом!..

Екатерина, смиренно сидевшая за дверью и прилежно штопавшая жениху исподнее, завязала узелок и привычно перекусила нитку. Она была готова тут же следовать за своим господином...

3

Светлейший князь Ингерманландский, он же губернатор Санкт-Петербурга, Александр Данилович Меншиков, благополучно позавтракав, спустился по мраморным ступеням своего дворца к небольшому боту, замершему у края лестницы. Десяток крепких молодцов, осушив вёсла, покорно ждали, когда лакей и камердинер, ловко взяв под руки вельможу, бережно усадят его на крытую бархатом скамью. Поправив пышный парик и приняв величественную позу, Данилыч кивнул кормщику:

— Отчаливай!

Тот скомандовал гребцам:

— Навались, ребята! Разом! Пошли!..

Единым взмахом вёсла окунулись в тёмную, неласковую воду Невы, и, преодолевая своенравное течение, небольшое судёнышко устремилось вначале к стрелке Васильевского острова, а обогнув её, направилось к серым валам Петропавловской крепости. На берегу губернатора послушно ожидали обер-комендант Роман Брюс и обер-ко-

миссар Ульян Синявин. Бот оказался вблизи бастиона, носившего имя светлейшего. Ступив с помощью крепких матросов на холодный, мокрый песок Заячьего острова, Меншиков сдержанно ответил на подобострастные поклоны. Вдоль Невы беззаботно гулял зябкий майский ветерок. Губернатор умело придержал чёрную треугольную шляпу и полы роскошного кафтана. Его свита терпеливо переминалась с ноги на ногу.

— Ну, пойдём поглядим, как там дело движется, — распорядился Меншиков и зашагал ко входу в крепость. Брюс и Синявин двинулись следом.

Всегда молодцеватый, взыскательный и дотошный, светлейший выглядел хмурым и озабоченным, хотя всячески старался скрыть это. Нынче поутру его долго мучил кашель, князь стал задыхаться, а когда поднёс к лицу платок — тончайший раздушенный батист вдруг окрасился алой кровью...

— Алексаша! Боже тебя избавь! Что это?! Да неужто чахотка?! Ох, свят, свят, свят!.. — Дарья Михайловна, супруга князя, страшно перепугалась. Данилыч невесело улыбнулся:

— То-то недруги мои возрадуются... — он с трудом придержал дыхание.

Красавица-жена истово перекрестила мужа и сама осенила себя крестным знаменем. Он неловко скомкал платок и брезгливо отбросил его. Дарья Михайловна участливо посмотрела в узкое, бледное лицо мужа с упрямым, выдающимся вперёд подбородком и заботливо предложила:

— Может, душа моя, лекаря кликнуть?

Супруг перевёл дыхание и хмуро ответил:

— Погодим. Пока не до того.

— Да как же?! Это ведь беда, дорогой! — жена подняла батистовый комок, пропитавшийся кровью, и глаза её увлажнились. Данилыч рывком запахнул халат и решительно вышел из спальни.

Третьего дня он получил письмо от Екатерины. Из письма выходило, что царь был болен, но выздоровел и движется на юг, навстречу османам. А ежели он вдруг завернёт в Польшу? Зная переменчивый характер Петра, Данилыч сознавал — такой поворот не исключён. И чреват для него самыми непредсказуемыми последствиями.

После Полтавской победы, где он сыграл едва ли не самую главную роль, умело командуя кавалерией и взяв в плен генерала Левенгаупта, — Меншиков с лихвой вознаграждал сам себя за проявленный героизм. Помимо отнятых у гетмана-изменника Мазепы имений, он захватил «маетности» видных польских вельмож и даже не постеснялся отнять драгоценности у графини Огинской, благоволившей к русскому государю. Сдерживаемая до поры, до времени алчность фаворита перешла всяческие границы...

На войне со шведами Данилыч проявлял чудеса отваги, водил в атаку пеших драгун, шагая в первых рядах со шпагой в руке... И на гражданском поприще Меншиков не имел себе равных, превосходя многие начинания самого царя... Пётр ценил отчаянную храбрость, предприимчивость, ум, ловкость, распорядительность своего любимца и на многое закрывал глаза...

Миновав каменную арку ворот, губернатор оказался внутри неприступной крепости. Здесь многое виделось делом его неуёмной энергии. Светлейший придирчиво осмотрелся — гранитные куртины и бастионы заняли место бывших земляных валов, и ныне мощная цитадель могла противостоять любому врагу. По всему Балтийскому побережью не найти таких укреплений. Санкт-Петербург защищали уже несколько серьёзных крепостей — Кронштадская, Кроншлотская, Шлиссельбургская и Петропавловская, и все они подняты его трудами...

Из Петропавловки губернатор отправился в Адмиралтейство. Бот взял курс на левый берег реки, где в огромном прямоугольнике корабельной верфи тесно сгрудились тёмные корпуса десятка почти готовых и строящихся судов. Звенели кузнечные молоты, стучали топоры, визжали пилы. Слышалась русская и чужеземная речь и брань. Российский флот становился на ноги...

Губернатор чинно сидел на скамье бота, всем своим видом показывая, насколько он озабочен всеми делами, творящимися вокруг. А на душе его скребли кошки...

В это время в Польше Пётр в ярости кричал:

— Ах, он мерзавец! Сквальга! Пёс смрадный! Хамское отродье! Сволочь! Холуйское семя! Сын беззакония! Зачат, паскудник, неведомо где! В грехах родила его мать! И в плутовстве скончает он живот свой! — царь рубанул рукой воздух. — Быть ему без головы!

Канцлер Головкин, вице-канцлер Шафиров, посол Долгоруков, кабинет-секретарь Макаров, серб Савва Рагузинский и царская невеста Екатерина в волнении и страхе следили за иступлёнными телодвижениями государя. Его гигантская фигура казалась им ещё выше и грознее, и каждый всерьёз опасался за самого себя. Одно невпопад сказанное слово или неловкий жест могли стоить любому жизни. Даже Екатерина,

умевшая укрощать гнев своего господина, сознавала сейчас свое бессилие.

— Так нагло, бесчестно, ненасытно прибрать к рукам чужое добро! — Пётр рванул ворот рубахи. — Ограбить не токмо вельможных панов, но и целые города и волости!.. — царь сжал кулаки.

Свита испуганно молчала. Все понимали меру и причину государева негодования. То, что позволил себе виновник гнева, переходило всяческие границы. Каждый из присутствующих тоже был грешен, тайно позволяя себе какие-нибудь вольности, однако они не шли ни в какое сравнение с тем, что вытворял царский фаворит, не гнушаясь ничем, ни большим, ни малым. Взяв приступом город Батурин, резиденцию гетмана Мазепы, он оставил его за собой в вечное владение. Затем захватил целый уезд и земли казацких старшин. В Польше Меншиков совсем распоясался — ни одно воеводство, ни одна волость не избежали разорительных поборов в карман светлейшего...

— Нет, доле терпеть сие невозможно! — Пётр устало опустился на табурет. — Ведь знает, подлец, что ляхи на две стороны глядят — на нашу и шведскую! И нам никак нельзя их шибко прижимать, иначе они все к Карлу переметнутся!..

Канцлер Головкин скорбно покачал головой. Наиболее наблюдательный из всех и тонко понимавший все душевные состояния царя, вице-канцлер Шафиров заметил:

— Справедливо молвите, Пётр Алексеич: ежели с поляков нынче семь шкур драть — в войне с османами они нам точно не пособники...

— А коли наказать его примерно, — подхватил Долгоруков, — то надобно лишить всех чинов и званий!..

Пётр смеялся. Его бывший денщик, спавший когда-то на рогожке у двери и резво вскакивавший на ноги при любом ничтожном шуме, случись тот в царской опочивальне или за её стенами, и готовый, не колеблясь, отдать жизнь за царя, — нынче превратился в ненасытного упыря, способного вососать в своё бездонное чрево пол-Европы, а заодно и пол-России вместе с её законным владыкой...

Пётр не уставал удивляться талантам своего холопа, Алексашка был на редкость сметлив, проворен, дотошен и смел. Царь охотно признавался, что во многом денщик превосходил его самого. Едва ознакомившись с чем-то новым и необычным, сразу схватывал самую суть и тут же мог повторить и даже улучшить чужую работу либо задумку. Воинские способности денщика были выше всяческих похвал. Вместе с Петром в мае 1703 года они на лодках с командой матросов взяли на abordаж два шведских корабля, сражаясь шпагами и пистолетами! Это была первая победа на море, за которую Меншиков получил орден Андрея Первозванного. Затем он скоро и успешно строил Санкт-Петербург, Кронштадт, Кроншлот. Заложил большую корабельную верфь. А как только война перенеслась на сушу — Данилыч блистательно командовал кавалерией, и первую крупную победу над шведами одержал бывший денщик в чине генерал-поручика. В сентябре 1707 года он едва не взял в плен шведского монарха, когда тот с отрядом телохранителей опрометчиво переправился через Вислу вблизи Варшавы. И невозможно переоценить заслуги Меншикова в Полтавской битве. Алексашка там дрался как настоящий былинный богатырь. Петр помнил это...

— Вчерась я получила письмо от Дарьи Михайловны, — сказала Екатерина. — Плохо ему. Кровью харкает...

— Кто? Данилыч?! — встревожился Пётр.

— Он самый, Ваше Величество, — подтвердила невеста, — и лекаря не раз к нему призывали, только лучше князю не стало...

Неожиданная хворь ближайшего наперсника государя породила у собравшихся ворох разноречивых чувств. Радость, удовлетворение, злорадство, беспокойство разом охватили канцлера, вице-канцлера, посла, секретаря... Однако светлейший князь остался единственным надёжным хранителем недавно обретенных земель...

— Вот незадача-то! — сокрушённо воскликнул догадливый Шафиров. — Кто бы мог подумать об этой напасти? — вице-канцлер перекрестился. — Дай Бог ему поскорее оправиться...

— И здравствовать долго! — подхватил Головкин.

— Все мы под Богом ходим. И каждому свой час придёт... — царь криво усмехнулся. — Но не всяк умирает, кто долго хворает!..

На государя снизошло умиротворение и жалость. Если его верный сподвижник всерьёз зачахнет и преставится — это будет невосполнимой утратой. Никто из его ближайшего окружения не заменит бесшабашного, ловкого, отчаянного, многоликого Данилыча.

— Да где же он, этот чёртов Август?! — прервав наступившую паузу, воскликнул Пётр. — Пора бы ему и честь знать!..

Речь шла о бравом саксонском курфюрсте, вновь посаженным Петром на польский престол, на встречу с которым царь прибыл в Яворово. Без помощи марионеточного короля государь не мыслил удачной войны с Османской империей...

4

С польским королём Августом Пётр был знаком более десяти лет со времени своей первой поездки за границу в марте 1697 года. Петру тогда исполнилось двадцать пять лет. Август был двумя годами старше. Он одним из первых отнёсся к властителю «дикой Московии» как к равному. Саксонец был ловок, подвижен, смел, большой кутила и бабник. У его русского знакомого подобные черты вызвали одобрение и восторг.

«Великое посольство», в котором царь московитов числился унтер-офицером Петром Михайловым, наделало в просвещённой Европе много шума и кривотолков. Чужеземные владыки никак не могли понять, почему российский самодержец прячется в свите своих подданных, упорно выдавая себя за рядового путешественника, чуть ли не слугу? Никому не приходило в голову, что причиной тому обычная застенчивость и нежелание угодить впросак. С ранней юности Пётр не любил пышных церемоний и всякого рода условностей. А попав в Европу, молодой царь тем более не хотел играть роль важной персоны, перед которой все раскланиваются и расшаркиваются, говорят заученные слова и скрывают истинные мысли и чувства. Вот саксонский князь именно этого и не делал.

Оба молодых человека занялись тем, что было свойственно их возрасту и сходным темпераментам, — фехтовали, стреляли, бражничали и развлекались. Подпавав под обаяние весёлого, бесшабашного саксонца, Пётр, не раздумывая, горячо поддержал его в притязаниях на пустующий польский престол (король Польши Ян Собеский год как скончался). Август занял королевский трон и поневоле стал союзником Москвы. Но с началом русско-шведской войны многое переменилось. Не все поляки охотно приняли нового короля, весьма значительная часть шляхты и глава католической церкви не пожелали иметь на троне саксонского курфюрста, протестанта по вероисповеданию (правда, Август сразу принял католичество, однако противники не унялись). Этим и воспользовался Карл XII, ополчившись против Августа после разгрома русских под Нарвой. Август был наголову разбит, и Польша разделилась. Карл посадил на польский трон познанского воеводу Станислава Лещинского. Август убыл в свою родную Саксонию...

В конце лета 1706 года Карл занял Саксонию. Курфюрст не возражал и вёл двойную игру. Пока часть шведской армии во главе с королём отдыхала в Саксонии, Август тишком перебрался в Польшу, где располагались русские войска под началом генерал-поручика Меншикова. Там же находились шведские и польские полки под командой генерала Мардефельда. Август сообщил ему о своём сговоре с Карлом и просил генерала не вступать в бой с русскими. Но Мардефельд ему не поверил. Саксонец занял место на левом крыле русских войск под командой Меншикова. Произошла знаменитая битва при Калише, в которой шведы были наголову разбиты. Генерал Мардефельд вместе со своим штабом попал в плен. Август одинаково боялся и Петра, и Карла. Он уговорил Данилыча совершить обмен пленными и сам же взялся осуществить его. Прихватив с собой пленного генерала Мардефельда и его офицеров, Август отбыл с ними к Карлу, покаяться и всецело отдался на милость шведа...

Петр простил Августа и после Полтавы вернул саксонца на польский трон, прогнав Лещинского. И вот теперь русский царь ждал Августа в Яворово, но тот остановился в ста верстах, в городке Ярослав, и Пётр отправился туда. Саксонец выехал навстречу царскому поезду и скакал верхом во главе пышной процессии. Статный, бравый, щеголевато одетый. Он лихо осадил коня перед царской каретой, ловко спрыгнул наземь, широким жестом снял шляпу и склонил голову в поклоне. Пётр распахнул дверь экипажа:

— Гутен таг, майн либер кайзер! — у пояса саксонца была пристёгнута знаменитая шпага, которой он когда-то обменялся с Карлом и затем возвращённая ему русским царём. Пётр заметил её и улыбнулся: — Хороша находка! Не затупилась ещё? Она тебе нынче пригодится. На турок с ней пойдём!..

Тридцатого мая 1711 года Пётр возвратился в Яворово после встречи с Августом. Саксонец обещал тридцать тысяч солдат и клятвенно заверял, что он разгромит в Померании шведский корпус Крассау, дабы тот не ударил в тыл русским. Пётр не очень этому верил.

А польская сторона выдвинула перечень невыполнимых требований. Поляки хотели заполучить всю Правобережную Украину, а также Ригу и Лифляндию. И категорически настаивали, чтобы их избавили от контрибуций и поставок провианта. И это ещё не всё... Царь велел Макарову наложить на документ, рожденный сеймом, соответствующую резолюцию и передать польским депутатам.

Из всего происходящего следовало, что надежных союзников у Петра в войне с османами нет, но он ещё рассчитывал на помощь двух господарей — Кантемира и

Бранкована — и надеялся их примирить. Вражда властителей Бессарабии и Валахии, однако, не затихала, а разрасталась...

В Яворово государь получил известие, что Кантемир пригнал навстречу армии Шереметева стада овец и волов, хотя в количестве меньше обещанного.

— Ежели получим провиант и от Бранкована, то турки нам не страшны, — сказал Петр соратникам. — А скажи-ка, Савва, — царь обратился к сербскому послу Рагузинскому, — что твои сербы подельвают? Намерены они супротив османов идти?.. — Рагузинский спокойно ответил, что полковник Милорадович тайно собирает повстанцев в небольшие, летучие отряды и постарается хорошо вооружить. — Шереметев, — удовлетворённо продолжил государь, — благополучно перешёл Днестр и движется в направлении Прута. Нам тоже надобно туда поспешать...

5

Государь Бессарабии Дмитрий Кантемир встретил Петра на полпути от реки Прут до своей столицы Ясс. С ним приехали не только его ближние бояре, государь взял с собой супругу, дочь Марию (будущую соперницу Екатерины) и младшего двухлетнего сына Антиоха, ставшего впоследствии нашим послом в Англии и Франции и первым российским сатириком и баснописцем. Пёстрая, шумная, голосистая орава, схожая с цыганским табором, окружила скромный экипаж государя, словно стая разноцветных бабочек. У Екатерины зарябило в глазах. Усатые, кареглазые, чёрнобровые, белозубые лица заглядывали в окна и кричали приветствия на незнакомом языке. Всем было весело и радостно.

Пётр вылез вон. Высоченная, сутуловатая фигура в тёмно-зелёном кафтане с ярко-красными обшлагами почти на две головы возвысилась над ликующей толпой. Валахи увидели живое воплощение своих надежд: этот могучий русский исполин сокрушит их поработителей! Пётр широко улыбался, топорща короткие, щетинистые усы, крепко обнимал и целовал окруживших его бояр, их жён и детей. Большие, лучистые глаза его светились добротой и лаской. Похоже, он всей душой верил, что в этой военной кампании ему гарантирован успех. Сцена походила на встречу Гулливера и лилипутов из ещё не переведённого романа Свифта.

Фельдмаршал Шереметев, прибывший вместе с государем, с трудом пробивался сквозь восторженную толпу. Государь, увидя грузную фигуру полководца, решительно раздвинул окружающих и шагнул навстречу.

— Здорово, Борис Петрович! — Петр уединился с фельдмаршалом в карете. — Ты чего такой мрачный? Неужто в войске мор приключился?

Шереметев суеверно перекрестился:

— Господь, Пётр Алексеич, пока избавил. Но думается мне — ждать недолго осталось...

Теперь царь осенил себя крестным знамением:

— Побойся Бога, Борис Петрович! Ты чего городишь-то?! С какого-такого боку?!..

Фельдмаршал показал кивком в окно:

— А ты погляди сам, Пётр Алексеич...

По обе стороны дороги, далеко, вплоть до самого горизонта, простиралась голая, выжженная зноем земля.

— Кто сие сотворил? Татары?!

— Саранча.

— И сказал Господь, — тихим голосом произнёс Пётр, — я наведу саранчу на царство твоё. Она покроет лицо земли и пожрёт все, растущее на ней. И траву, и кусты, и деревья. И не осталось никакой зелени ни на деревьях, ни на траве полевой во всей земле Египетской...

6

Адрианополь (Эдирне) — в трёх днях пути от Константинополя (Стамбула). Со времени захвата Византии турками он стал почти второй столицей Османской империи и был сборным пунктом имперских войск. Великий визирь Балтаджи Мехмед-паша, решивший возглавить армию в войне с русскими, прибыл в Эдирне вместе с сераскиром, нурадином и муфтием. В городе и вокруг него стояли тысячи белых шатров, в которых разместились люди, вооружённые пиками, саблями, ятаганами, кремнёвыми ружьями и пистолетами, даже луками и стрелами. Это пёстрое, разноязыкое, не знающее правильного строя сборище трудно назвать регулярной армией. Только корпус янычар — неумолимых головорезов, связанных суровых обетом беззаветной службы до смертного конца, — внушал уверенность военачальникам. Однако янычары отличались заносчивым, переменчивым и бунтовским нравом. А бунт янычаров, как пра-

вило, кончался не в пользу власть предержащих. Бывший султан Мустафа, старший брат Ахмеда, — наглядный тому пример. А вместе с султаном сметалась подчистую и вся верхушка. Великий визирь прекрасно сознавал это.

В начале мая огромная турецкая армия выступила в поход. На берегах Дуная к ней должен был присоединиться корпус Юсуф-паши, а в тылу у русских уже действовала многотысячная конница крымского хана Девлет-Гирея с запорожскими казаками под командой гетмана Орлика.

В конце июня на марше лазутчики донесли великому визирю Мехмед-паше, что русский царь со всей своей армией находится в Яссах. И властитель Бессарабии якобы с почётом принял его. Визирь думал, что москвиты обязательно двинутся на Бендеры, поскольку там находился их злейший враг — шведский король. Неожиданный манёвр русских весьма озадачил турецких военачальников.

— Молдавский господарь Кантемир неизменно клялся нам в преданности и верности! — негодовал сераскир. — Сам великий султан, да продлит Аллах его дни, дал ему в управление Бессарабию... Как он посмел нарушить клятву?!

— Пророк завещал: все неверные — лицемеры! — изрёк муфтий. Визирь перевёл взгляд на силистрийского пашу Гассана:

— А как ведёт себя господарь Валахии Бранкован?

— Бранкован пригнал в Брэилу двадцать тысяч овец и десять тысяч волов...

Сераскир сердито заметил:

— Москвиты легко отобьют их, идя правым берегом Прута...

Это было сказано к месту и ко времени. Турецкая армия, перейдя Дунай, оказалась по левую сторону устья реки Прут, и городок Брэила очутился у неё в тылу.

— Сколько дней пути до Брэилы? — спросил визирь у Гассан-паши.

— Дня два-три. Только придётся дважды переплывать Дунай...

— А сколько дней от Ясс до Брэилы?

С ответом поспешил Юсуф-паша:

— Москвитам понадобится не меньше десяти дней, так я думаю...

Сераскир предложил:

— Если великий визирь соизволит — то можно отправить часть войска для защиты

Брэилы.

Но Балтаджи Мехмед-паша, не будучи военным человеком, предпочитал воевать не умением, а числом. Выдержав солидную паузу и делая вид, что слова военачальника требуют размышления, визирь веско заключил:

— Во имя Аллаха да не будем расплять свои силы! Пойдём навстречу москвитам и разобьём их!..

Вскоре подошла конница Девлет-Гирея, и армия визиря увеличилась на треть.

7

Русская армия продвигалась по правому берегу реки Прут. Петр предполагал, что турецкое войско в Брэилу непременно пойдёт. Там он и думал вступить с турками в генеральное сражение.

— Кантемир предлагает перейти Прут, — советовался Петр с Шереметевым, решая острую проблему с провиантом для армии, — и забрать скот у буджакских татар...

— Знать бы наверняка, где османы нынче обретаются? Всеми ли силами они к Браилову идут или надвое разделились? Сие меняет многое...

Силы были неравны с перевесом впятеро в пользу османов. В Брэилу Петр отправил Ренна с десятитысячным корпусом за провиантом, а вся остальная армия насчитывала тридцать восемь тысяч солдат. Точная численность турецкой армии поныне неизвестна и колеблется, по разным оценкам, от ста тридцати пяти до двухсот пятидесяти тысяч.

Петр начинал понимать, что его поспешная стратегия способна погубить всю кампанию, и до полного ее краха оставалось, возможно, несколько дней...

Разведка донесла, что турки на том берегу и вот-вот перейдут через Прут!..

На левый берег Прута турецкая армия вышла в первой декаде июля и беспрепятственно форсировала реку всей своей громадой.

На правом берегу Прута произошла стычка крымской конницы с петровскими драгунами.

Узнав о переправе османов, Петр велел спешно отходить.

Всю ночь русская армия отступала. Военачальники выискивали место, наиболее выгодное для обороны. В арьергарде шел Преображенский полк.

И весь следующий день вся русская армия отступала вдоль правого берега Прута, кроме корпуса генерала Ренна, отправленного в Брэилы и оставшегося в тылу противника вместе с захваченным провиантом.

Стояла страшная жара. Пётр потом писал своим сподвижникам: «Видел я, как у солдат от действия жажды из носу, глаз и ушей текла кровь. Многие, добравшись до воды, опивались ею и умирали... А иные, томясь голодом и жаждой, лишали себя жизни».

Репнин и Вейде заметили высокий и обширный холм, частично поросший невысоким кустарником и круто спускавшийся к реке. От вершины холма до воды, на глазок, было саженой сорок, и берег казался почти обрывист. Зато его основная часть, простиравшаяся в противоположную сторону, была пологой и плавно сходила на нет. Петр осмотрел место и заключил:

— Здесь держим оборону!

Вся армия разместилась на просторном холме и вокруг него. На самой вершине поставили шатёр самодержца. Чуть ниже расположился обоз с сотней телег со всяческим скарбом: от мешков с сухарями до пороха и гвоздей. А далее, ближе к подножию, тесно сгруппировались солдатские и лошадиные тела.

С полудня до полуночи в русском лагере шла работа: устанавливались орудия, рылись траншеи, крепились рогатки... Стоямя, крест-накрест вкапывались или вбивались в землю крепкие брусья, на которых закреплялась толстая жердь, должная преграждать путь вражеской пехоте. Был ограждён весь холм.

Под вечер другого дня далеко, у самого горизонта, вздымая густые облака серой, перегретой пыли, грозно надвигались волны вражеской конницы. Они растянулись от правого берега Прута почти до края небосклона. Оранжевый диск солнца уже склонился к закату и в его слепящем, кособоком свете всадники сливались в единую массу.

— Ну, чисто саранча! — в голосе вице-канцлера перемешались страх, удивление и оторопь.

Он будто бы не верил своим глазам и словно увидел воочию библейскую «казнь египетскую», надвигавшуюся напрямик на русский лагерь...

Обнаружив русских, турецкая конница, по приказу сераскира, остановила движение.

— Московиты приготовились к бою! — доложил сераскир визирю.

Мехмед-паша знаком потребовал себе подзорную трубу. Приложив её к глазу, он старательно осмотрел линии вражеской обороны: глубокие траншеи, многочисленные рогатки, цепи солдат и жерла орудий.

— Они готовы стоять насмерть... Да вознаградит вас Аллах, правоверные! — визирь возвёл глаза к небу. — Идите и сражайтесь на пути божьем! Будьте смелы и неотомимы в войне с неверными, ибо так завещал пророк!..

Этими словами Мехмед-паша дал сигнал к началу военных действий.

Конница османов и крымцев взяла в кольцо пологий холм. Янычары построились клином и с визгом и дикими криками пошли в атаку.

До захода солнца оставалось три часа. Пётр, стоя на обозной телеге рядом с фельдмаршалом, следил, как приближались янычары, истошно вопя и размахивая саблями, ятаганами и пистолетами. Расстояние между атакующими и обороняющимися стремительно сокращалось. Ничего сделать уже нельзя. Наступила роковая минута, когда всё решают не полководцы, а солдаты, когда ход сражения зависит от силы духа солдат.

Осталось четыре сотни шагов до траншей. Шести- и восьмифунтовые орудия ударили картечью по атакующим, выкашивая первые ряды. Но задние ряды османской гвардии прорвались сквозь огонь и добежали до траншей. Ударили трёхфунтовки, но янычары достигли рогаток, и пошла рукопашная. В бой вступили в штыковую пехотинцы и спешившиеся драгуны генерала Алларта. С флангов наседали конница. С другой стороны реки османские пушки обстреливали русский лагерь с тыла. Подножие холма было устлано тысячами окровавленных тел.

На третьем часу сражения солнце скрылось за горизонтом, словно не желая больше видеть это кошмарное побоище, и битва прекратилась без команды полководцев.

Этой ночью от Прута полетел в Петербург гонец с посланием Петра к Сенату, гласящим (прямая цитата из сохранившегося документа):

«Господа Сенат! Извещаю вам, что я со всем своим войском без вины или погрешности нашей, но единственно только по ложным известиям, в семь крат сильнейшею турецкою силою так окружён, что все пути к получению провианта пресечены и что я без особенные Божии помощи, ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я попаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны почитать меня своим царём и государем, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственному повелению от нас, было требуемо, покамест я сам не явлюсь между вами в лице моём. Но если я погибну, и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собой достойнейшего мне в наследники...»

(Многие отечественные историки, а также Пушкин, напротив оспаривали подлинность этого документа, поскольку оригинал утрачен).

На следующий день Петр отправил к османам парламентаря с предложением мира и тайне посоветовался с предводителем валахов Никульчей, выпрашивая, сумеет ли тот вывести тайными тропами царя с невестой из осаждённого лагеря...

Гонец унтер-офицер Шепелев, вернувшись в стан, сообщил царю, что визирь не хочет идти на мировую. Но турки не обнаруживали намерений атаковать.

Петр велел готовиться к генеральному сражению.

Артиллерийских лошадей, как наиболее сильных и выносливых, было решено сохранить, остальных — особенно истощённых и хромых — забить и наварить мяса. Всю железную упряжь: удила, стремяна, шпоры — посечь на пули и шрапнель...

В русском лагере стучали молотки, полковые коновалы острили ножи, пушкари готовились произвести канонаду, пехота и драгуны готовились к атаке...

Пётр решил предпринять отчаянный прорыв, а там — как случится, так случится...

Он отверг мысль о бегстве во спасение России, которая еще не потеряна, если потеряна армия. Государь являл готовность принять геройскую смерть вместе со своей армией.

В разгаре приготовлений к битве прибыл османский посланец Черкес-паша с десятком телохранителей. Его встретили фельдмаршал Шереметев и вице-канцлер Шафиров. Паша протянул фельдмаршалу сафьяновый цилиндрок с письмом визиря. Шереметев церемонно принял его и передал Шафирову. Вице-канцлер с поклоном взял послание, юркнул в царский шатёр, где находился Пётр, развернул листок бумаги и стал переводить:

— Великий визирь Балтаджи Мехмед-паша желает здоровья Вашему Величеству и сообщает, что готов, ежели угодно, вести переговоры...

— И больше ничего?

— Ещё он кивает на бесконечную милость всемогущего Аллаха и поминает своего славного, незабвенного султана.

— Передай, что мы к обоюдному замирению готовы.

Когда османское посольство удалилось, Петр стал готовить вице-канцлера Шафирова к переговорам с Мехмед-пашой...

— На каких условиях царь Пётр хочет восстановить мир между Россией и Оттоманской Портой? — спросил великий визирь вице-канцлера во время переговоров о мире.

— На взаимовыгодных, — кратко ответил Шафиров.

— В войне с султаном Мустафой вы захватили турецкие крепости по Дону, Дунаю и берегу Азовского моря. Их надлежит возратить немедленно.

— В каком виде?

— В том виде, в котором вы их заняли!

— Досточтимый паша, за десять лет мы возвели многие сооружения на тех берегах...

— Их непременно следует разобрать и разорить!

— А близ Таганрога мы оборудовали целую гавань и построили добрую верфь...

— Гавань и верфь тоже разорить до основания! А город срыть. Такова воля султана!

Шафиров принял потрясённый вид и умолк. Мехмед-паша смягчился:

— Шведского короля мы отпустим на родину в самое ближайшее время, извольте встретить его, как подобает, и проводить с почётом до границ его владений...

Шафиров механически кивнул, тем самым давая понять, будто это дело давно решённое.

Единственным свидетелем этих переговоров с русской стороны был Шереметев-младший, но он не знал турецкого языка и, улавливая знакомые слова, не мог вникнуть в суть разговора. Зорко следя за живым, подвижным лицом вице-канцлера, Шереметев-младший терялся в догадках, какова цена мира.

— Ещё мы настаиваем на том, чтобы русские войска были выведены из Польши и впредь ваш царь не вмешивался в польские дела. Польский король Станислав — друг Оттоманской Порты.

— Но позвольте, досточтимый паша, король Польши — Август...

— Его незаконно возвёл на престол ваш царь, — оборвал визирь и продолжил диктовать условия мира: — Мой великий и несравненный повелитель требует выдать изменников — бессарабского господаря Кантемира и посла Рагузинской республики Савву Владиславича. Они оба подло обманули доверие великого султана.

Шафиров перестал возражать, следуя наказу Петра — идти даже на позорные и унижительные уступки, лишь бы выбраться из западни: «Соглашайся на всё, кроме рабства»...

Через несколько дней русская армия вышла из западни. Тем и кончился Прутский поход.